

Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 95

ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ РУССКОГО

Столица приходит в устроенный мир,
чтобы переустроить его

Никитский клуб

Н62 Цикл публичных дискуссий.

Четыре четверти русского.

Столица приходит в устроенный мир, чтобы переустроить его.

Выпуск 95 — М., 2018. — 64 с.

В русском пространстве нет Севера, Юга, Востока и Запада. Русское пространство строится по промежуточным сторонам света: Северо-Запад, Северо-Восток, Юго-Запад, Юго-Восток, если точка наблюдения и структурирования этого пространства — Москва. Отсюда название нового исследования Рустама Рахматуллина, эссеиста, историка-москововеда, страноведа — «Четыре четверти русского», идея которого была представлена аудитории Никитского клуба. Автор рассматривает географическое пространство страны в сетке *смысловых координат*. Жанр метафизического краеведения знаком читателю по известной книге Рахматуллина «Две Москвы, или Метафизика столицы». Перефразируя автора, исследование не может быть ограничено научными рамками; существует метафизика пространства — то, что стоит за видимыми вещами, то, что существует до и кроме видимых вещей. Особую эстетику (не ниже) создавала континуальность — сопровождение выступления континуальной картой («Яндекс. Карты») без подготовленных слайдов, континуальность в огромном объёме исторических, географических, культурных знаний. Известный знаток Москвы, автор так же свободно ориентируется в пространстве страны: «когда он говорит о Муроме и Владимире, он может, вероятно, если его спросить, назвать и сёла по дороге» (А. Привалов). Тем убедительнее практическая задача исследования: *«Если мы не будем понимать, как управляют пространством до Карпат или до Кавказа, или до Малого Кавказа, если мы не будем понимать, какую сетку координатную — не только географическую, а вообще смысловую — класть на эти расстояния, то нас будут ждать одни катастрофы за другими»* (Р. Рахматуллин).

ББК 63.3 (2)

© Московская Биржа, 2018

© Никитский клуб, 2018

Круглый стол

Четыре четверти русского.

Столица приходит в устроенный мир, чтобы переустроить его.

20 сентября 2018 года

Горелик Александр Семёнович, эксперт по международным организациям, директор Информационного центра ООН в 1999–2014 гг.

Егерев Сергей Викторович, главный научный сотрудник ИНИОН, доктор физико-математических наук, профессор

Замятин Дмитрий Николаевич, руководитель Центра гуманитарных исследований пространства Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва; главный научный сотрудник Высшей школы урбанистики НИУ ВШЭ, доктор культурологии

Зелёный Лев Матвеевич, научный руководитель Института космических исследований РАН, профессор, академик РАН

Мазурик Виктор Петрович, доцент кафедры японской филологии ИСАА (МГУ имени М. В. Ломоносова)

Михайлов Константин Петрович, координатор движения «Архнадзор», главный редактор портала «Хранители наследия», член Совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству

Москвин-Тарханов Михаил Иванович, заместитель председателя Общественной палаты г. Москвы

Привалов Александр Николаевич, научный редактор журнала «Эксперт», вице-президент — председатель Совета Никитского клуба

Разумовский Феликс Вельевич, ведущий исторической программы «Кто мы?» телеканала «Культура»

Ракитин Александр Анатольевич, историк, путешественник

Рахматуллин Рустам Эврикovich, координатор движения «Архнадзор», писатель, страновед

Рогачёв Сергей Вячеславович, научный сотрудник кафедры социально-экономической географии зарубежных стран, географический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова

Игорь Сид (Игорь Олегович Сидоренко), поэт, эссеист, путешественник

Тамбовцев Виталий Леонидович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Энтов Револьд Михайлович, профессор НИУ ВШЭ, доктор экономических наук, академик РАН

Председатель заседания — **А. Н. Привалов**

А. Н. Привалов

Добрый вечер, господа! Позвольте поздравить всех нас с началом нашего очередного сезона — я уже боюсь прикидывать, которого по счёту. Неважно которого, традиционного. Будем надеяться, что он будет интересен, увлекателен и поучителен. Согласился открыть наш сезон Рустам Рахматуллин, который сегодня расскажет нам о своём взгляде на то, как столица приходит в устроенный мир и переустраивает его. Его сообщение будет называться «Четыре четверти русского». После того как он его сделает, мы попытаемся услышанное обсудить. Я бы хотел обратить ваше внимание на то, что, когда мы шли сюда, там внизу у лифта стояло такое телевизионное табло, которое показывало, куда идти на какие события. И вот, наряду с нашим сегодняшним заседанием, в этом же здании сегодня, но чуть раньше, как я понял, происходило заседание некой комиссии по управлению рисками. Вот это чрезвычайно, я бы сказал, характерное противопоставление.

К той ситуации, которую мы сегодня ощущаем на своей шкуре, видим, слышим, читаем, есть, собственно, два подхода. Подход первый, тактический, заключается в том, чтобы пытаться управлять рисками. Подход этот, по моим личным, ни для кого не обязательным представлениям, сегодня безнадёжен. Сегодняшними рисками управлять нельзя. А есть подход стратегический, который заключается в том, чтобы попытаться найти для балансирования текущих новостей какой-то более распространённый во времени фундамент, который позволит более гибко и более уверенно реагировать на новые волны происходящего. Этот подход, как я понимаю, олицетворяется сегодня в нашем собрании. Думаю, что мы в таком выборе правы. Предоставляю слово Рустаму. Милости прошу!

Р. Э. Рахматуллин, координатор движения «Архнадзор», писатель, страновед

Большое спасибо, Александр Николаевич, Наталия Михайловна. Поздравляю с открытием сезона. Спасибо всем, кто пришли бабьим летом за час до заката, когда ещё всё так прекрасно на улице.

В программе заседания написано, что нет никакого Севера, Юга, Востока и Запада в русском пространстве. А строится оно по промежуточным сторонам света, если мы делаем точкой наблюдения и структурирования этого пространства Москву. Когда и если.

Не спрашивайте меня, пожалуйста, сразу, зачем это всё. И может быть, в конце доведётся понять зачем. А пока автора просто не отпускает карта, на которой он видит эти самые четверти, и его время от времени кидает к столу, к листу бумаги.

По-видимому, книга будет называться «Четыре четверти русского». Сейчас я ближе к её началу, чем к концу, но всё же перешёл психологический рубеж в четыре-пять печатных листов.

Я спрашивал у коллег, в том числе у присутствующих, как может называться метод. Он может называться географическим моделированием, может — секторальной географией. Но разрешите без дальнейших предисловий.

Вместо презентации буду импровизировать с картой на экране [Яндекс-карты].

А. Н. Привалов

*

Начну с масштаба, в котором видны основные дороги, разбегающиеся от Москвы (рис. 1). С них начиналось размышление. Видим, в дополнение к национальным магистралям, важные когда-то Дмитровку, Стромьнку¹. Но среди них мы не найдем дорог строго северного, западного, южного и восточного направлений. Будем говорить о направлениях, когда дублёры не идут в счёт. Скажем, Волоколамское шоссе и Новорижское — одно направление; Киевское, Старое Калужское и Боровское шоссе — тоже одно. Ведём счёт направлений.

Удобно наложить карту на циферблат часов.

Волоколамско-Рижское есть направление десятого часа [09:30]. То есть это дорога, колебания которой заключены в пределах десятого часа, сектора в 30°.

Дорога одиннадцатого часа [10:30] — Тверская, Петербургская. Дорога двенадцатого часа [11:30] — Дмитровка (она, конечно, не на Полярную звезду ведёт).

¹ Стромьнская дорога (Стромьнка) — одна из старейших сухопутных дорог Центральной России, соединяла города Москву, Юрьев-Польской, Суздаль и, вероятно, отвечала на Кострому и далее.

Р. Э. Рахматуллин

Ярославская — дорога первого часа [00:30]. Стромынка — второго часа [01:30], но после конца Щёлковского шоссе она не считается федеральной трассой. Владимирка — дорога третьего часа [02:30], Егорьевская (Касимовская) дорога — четвёртого [03:30], Рязанская — пятого [04:30], Донская (Каширская) — шестого [05:30], Крымская — седьмого [06:30], Калужско-Киевская — восьмого [07:30]. Наконец, Смоленская — дорога девятого часа (08.30).

Но если нет строго северной или строго южной дороги, — есть ли Север, есть ли Юг в русском пространстве? А то, что эти дороги расположены по получасам, может означать, что промежуточные стороны света и есть структурообразующие для русского пространства. Размышление началось с этого простого наблюдения карты.

*

Позвольте здесь отвлечься сноской к теме. Вспомните карту московского метро.

Аналог Рижского радиуса «оранжевого» диаметра — Ярославка. Как дорога *первого часа* она должна бы продолжаться на юге дорогой *седьмого часа*, аналог которой — Серпуховский радиус «серой» линии. Но в центре города происходит как будто слом на 30°.

Рис. 1. Центральные дороги в их отношении к долготе и широте Москвы

«Зелёная» линия от «Речного вокзала» — аналог Петербургской дороги десятого часа; ее прямым продолжением была бы ветка на *половину пятого*, то есть «сиреневая» Таганская ветка. Но и тут в центре происходит «слом» на 30°.

Можно продолжать, и мы увидим, что все диаметры, кроме самой первой, Сокольнической, линии, «ломаются» в центре Москвы на 30°. Как это объяснить? Если уйти в метафизику Москвы, то я рискую посвятить этому весь час. Но пути Москвы словно накручены на центр. Киевская железная дорога выходит на Смоленскую грунтовую, Смоленская железная — на Петербургскую грунтовую, Рижская железная — на Ярославскую грунтовую и так далее. Пути Москвы закручиваются по стрелке.

Повторю, что это в сноске к нашей теме, но очень интересно: как «ошибочно» и одновременно традиционно устроено метро при таком понимании.

*

Возвращаясь к теме. Что же такое эти четверти, реальности ли это? Сразу могут сказать, что существует Русский Север, поскольку говорит о нём язык. Язык поднимает буквы, говорит с прописных: «Русский Север».

Так; но говорит ли язык «Русский Юг»? Был такой миг — в именовании Вооружённых сил Юга России². Каковы были границы этого Юга? Это был сектор примерно в 3/8 круга с вершиной в Орле или Кромах. Начертание скорее случайное.

² Вооружённые силы Юга России (ВСЮР) — Добровольческая армия, оперативно-стратегическое объединение Белой армии на Юге России в 1917–1920 годах во время Гражданской войны в России.

Существует ли русский Запад? Говорит ли язык нам: «Русский Запад» когда-либо, где-либо? Сколько помню, нет. Говорит ли язык: «Русский Восток»? По-моему, нет. Только «Русский Север». Это само по себе может указывать на ошибочность построения, выделения «Севера»: ему ничто не соответствует и не противостоит на круге мира.

Однако это понятие существует. Мне оно представляется не столько географическим, сколько поэтическим.

Как определяем Русский Север? Если это область концентрации деревянного храмового зодчества, то специалисты, в том числе присутствующие в зале, вероятно, согласятся со мной, что его ареал смещается к северо-востоку от московского меридиана. Это не столько область особого развития деревянного зодчества, сколько область его особой сохранности. Это связано с отсутствием или дефицитом помещичьего землевладения, следовательно — с недостатком капиталов для замены деревянных храмов каменными.

Вспомним для сравнения Ширков Погост под Осташковом (Северо-Запад). Там священник незадолго до революции мог заменить деревянный храм на каменный, но он был просвещён в искусстве, понимал, какой ценностью располагает, и поставил тёплый каменный храм рядом с деревянным. Однако это исключение из правила, нехарактерное для помещичьего Северо-Запада.

Свободное крестьянство на государевой земле — признак новгородского Северо-Востока. Его граница с новгородским же Северо-Западом протекает примерно по линии пятин³. Новгородские пятины (рис. 2) — государственная территория Новгорода, как она была размежевана уже в московское время. В частности, она охватывала Обонежье, землю Онежского озера, но не охватывала Поонежье — землю реки Онеги. В направлении Онежской губы и Соловков шла меридиональная черта между метрополией Новгорода и его колонизируемыми землями, так называемым Заволочьем⁴.

В сущности, этот меридиан есть продолжение московского. Прочерченный так, он несколько уклоняется к северо-западу, относя Мурман к Северо-Востоку.

Здесь нужно сделать оговорку: мое размышление не о геометрии. Это не подгонка карты к рисунку вертикальных и горизонтальных линий. Меридиан и параллель Москвы наносятся на карту лишь как исходная сетка координат. А дальше можно видеть, как реальные миры уклоняются от прямых линий. Собственно, самое интересное — демаркация миров.

Рис.2. Карта Новгородских пятин и граница с Северо-Востоком.

³ Пятина — административно-территориальная единица (буквально: «пятая часть») Новгородской земли.

⁴ Заволочье — историческая область в X—XIV веках в бассейне Северной Двины и Онеги, за «волоками» (т.е. за водоразделом между морскими бассейнами). Волоки связывали Онежское озеро балтийского стока с озером Белым каспийского стока.

Характерный пример отклонения меридиана к северо-западу — Кижское восстание⁵. Восстание свободного крестьянства, в наших терминах северо-восточного, против приписки к северо-западным Петровским заводам (Петрозаводск). Кижы — остров Онежского озера, формально северо-западного, балтийского по стоку,— оказались шарнирной точкой двух миров.

Итак, полагаю, что «Русский Север» — иносказание Северо-Востока в бассейне Ледовитого океана.

*

Пожалуй, одно из ключевых определений Северо-Востока — принадлежность его периферии этому бассейну. С таким определением вяжется следующее: Северо-Восток обладает тундрой. У Северо-Запада тоже есть тундра, но она не русская. Она норвежская, и русский Северо-Запад не чувствует за собой тундры. А русский Северо-Восток, конечно, чувствует, что за тайгой есть собственная тундра. При том, что тёмно-хвойная тайга тоже определяет Северо-Восток.

Если продолжать о дендрологии, то маркер таёжного Северо-Востока — вероятно, архангельская лиственница. Она создаёт образ земли, особенно осенью, давая вторую, золотую краску на тёмной хвое.

Вообще для нашего размышления важна максимальная междисциплинарность. Есть маркирующая орнитология. Например, ареал аиста. Аист — не любая птица, ее гнездование причастно образу земли. Ареал аиста выходит к московскому меридиану на границе новгородского Бежецка и владимирского Углича, где-то в районе Мышкина. Аист маркирует Северо-Запад, впрочем как и Юго-Запад (глядя из Москвы). Его гнездовья в Ярославской области, на Северо-Востоке, остаются маргинальными. (Рис. 3.)

Древесные ареалы еще важнее. Дуб, липа — колонисты с юга, лиственница — с севера. Дуб не восходит выше широтного отрезка Камы, например, а это широта Москвы.

*

Еще Северо-Восток, если одним словом,— это сырье. Такой Северо-Восток начинался за «затылком Москвы», как выразился бы Андрей Николаевич Балдин⁶, бортным⁷ мёдом московских князей в окрестностях Клязьмы. Продолжался хлебами

⁵ Кижское восстание — протестное движение государственных крестьян, приписанных к Олонецким горным заводам в период 1680–1770 годов.

⁶ А. Н. Балдин (21 января 1958 г., Москва — 30 ноября 2017 г., Москва) — советский и российский эссеист, книжный график, дизайнер, архитектор, писатель.

⁷ Бортничество — собирание дикого мёда; бортъ — дупло диких пчёл в дереве или пеньке.

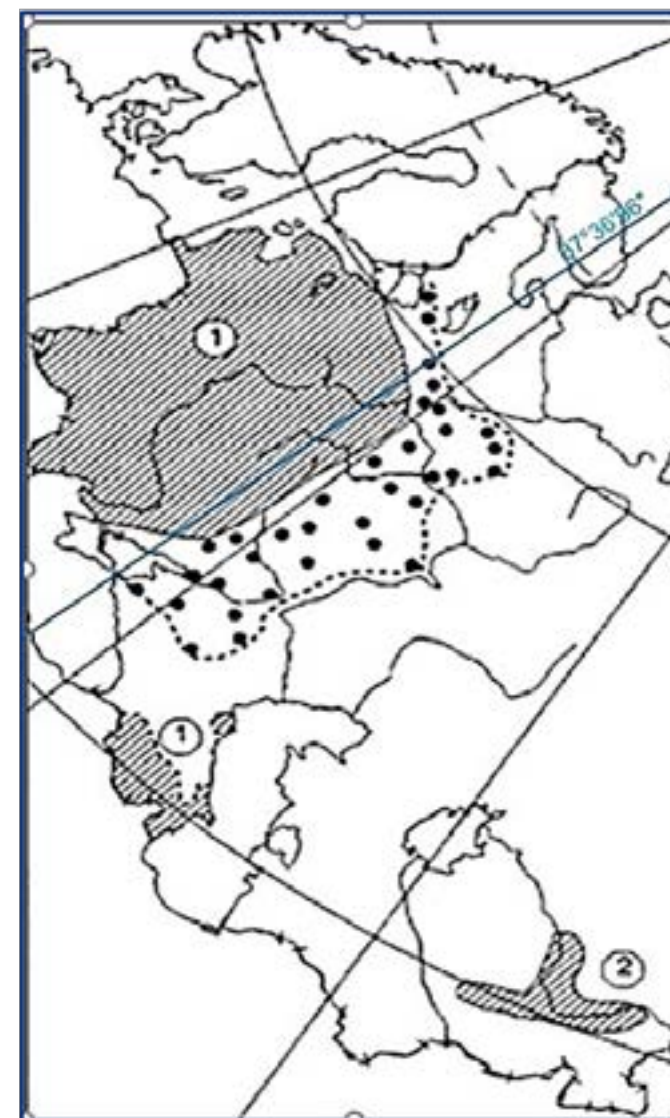

Рис. 3. Карта ареала белого аиста и московская долгота.

Ополя⁸, от которых зависел даже Новгород, хлебами юрьевскими, суздальскими и переяславскими. Продолжался далее, пушным зверем, строгановской солью, демидовском железом. Продолжается золотом, нефтью и газом. Северо-Восток — сырьевой затылок Москвы.

⁸ Ополье — природный регион, анклав степных почв, охватывающий безлесные просторы Замосковья.

И. Левитан. «Над вечным покоем».
(Образ Северо-Запада)

А. Саврасов. «Грачи прилетели».
(Образ Северо-Востока)

А. Куинджи. «Лунная ночь на Днепре».
(Образ Юго-Запада)

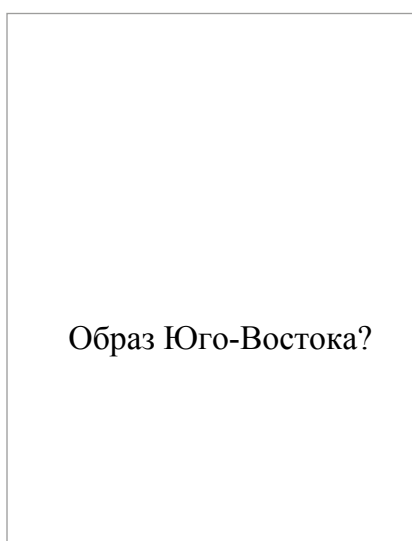

Рис. 4. Художественные образы промежуточных сторон света.

Интересно, что в таком определении исторические и культурные маркеры всё-таки преобладают над природными, поскольку речь идёт о добыче ресурсов, а не просто об их наличии.

*

Связанное определение: Северо-Восток есть территория, раньше других долей ушедшая из «большой истории», иначе сказать — менее других подверженная внешним угрозам. Наиболее удалённая от них. Определение вступает в силу после ликвидации угрозы Казанского ханства, а за Уралом — Сибирского. То есть угроз с Юго-Востока.

Сравнить с Северо-Западом, подверженным угрозе в высочайшей степени. На его границе с Северо-Востоком вспоминаются несколько линий «упора». Примеры последней войны — остановка немцев на Канале имени Москвы напротив Дмитрова и на Карельском фронте, на балтийско-беломорском водоразделе.

В анонсе нашего заседания в качестве живописного образа Северо-Востока предложены «Грачи» Саврасова (рис. 4). На картине обобщенно представлена конкретная церковь в Молвитине — селе, которое соседствует с Домнином, родиной Сусанина, и само теперь называется Сусанино.

У сусанинской легенды есть неместный смысл — конец «большой истории». Последняя агрессия на Северо-Восток утоплена в болоте. Шальные юго-западные люди шли по Северо-Востоку. Шли по высоким местам; кто не бывал, может думать, что это болотистые места, но это гористые места, болото не ожидалось. Глядя сверху — это лишь рыжий лес в котловине. В нём и была утоплена история. И ничего сопоставимого со Смутным временем, помимо революционной Смуты, на Северо-Восток уже не приходило. Разин и Пугачёв тревожили его границы от лица Юго-Востока; крайний Архангельск мог быть атакован с моря внешней силой. Но «в идее» это самый мирный край.

Подобное предание находим и в Гороховце. Когда татары, видимо казанские, приступили к городу, они увидели христианского воина на небе над Пужаловой горой и «испугались». Это испуг «большой истории». Можно сказать, тайное имя Гороховца — Пужалов. История пугается Северо-Востока. И здесь же максимум красоты, что при отсутствии истории знаменует близость рая. Вспомним Суздаль.

*

Историко-географические деления, в особенности границы княжений, — самое важное в определении долей московского мира. Говоря о ближнем Северо-Востоке, мы говорим о Ростово-Суздальской земле, или о Великом княжении Владимирском, в котором Москва — юго-западный угол. (Рис. 5.)

Надстоящее над ним Новгородское Заволочье было колонизовано чересполосно и совместно Новгородом и Великим княжением. Северо-Восток есть сумма Великого княжения с новгородской периферией. Область совместной колонизации простирается и в сектор третьего часа, за Городец и Унжу, где заканчиваются княжьи земли, где лежат Вятка и Пермь.

*

Однако Северо-Восток исключает Тверь, которая, будучи от начала частью Великого княжения, уходит от него в дрейф.

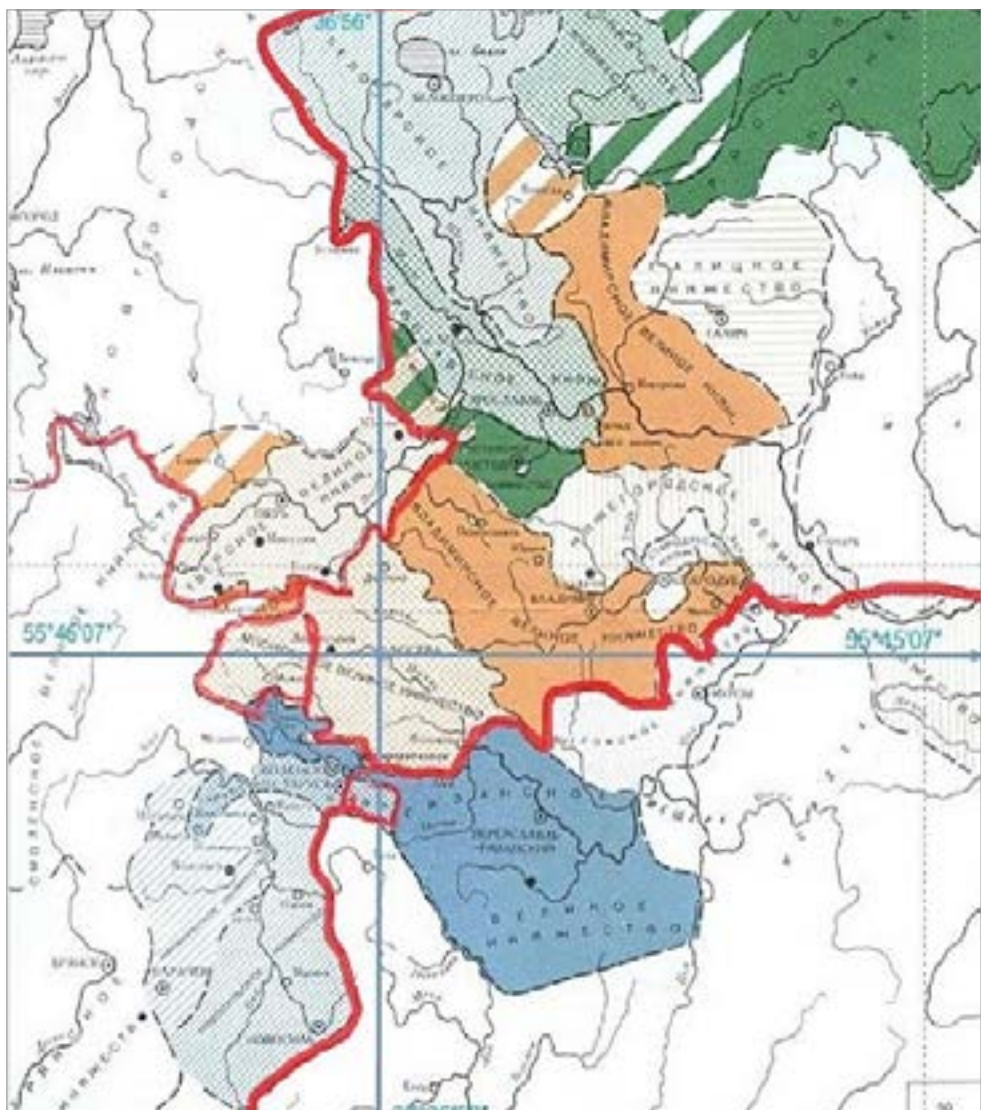

Рис. 5. Русские княжества, границы четвертей, долгота и широта Москвы.

Напомню, что мы говорим о структуре пространства на взгляд Москвы. На взгляд Киева Тверь неизменно принадлежит Северо-Востоку. Это «домонгольский» Северо-Восток с центром зрения в Киеве. Но в «монгольскую», «литовскую», московскую эпоху Тверь отплывает от своего материка, будучи для Москвы Северо-Западом. И древнее Тверское княжество, и современная Тверская губерния нанизаны на все дороги Северо-Запада: Волоколамско-Рижскую, собственно Тверскую (Петербургскую) и Кашинскую — продолжение Дмитровской.

За Тверью дугой лежит государственная территория Новгорода с отошедшим от неё Псковом. Эти три и образуют для Москвы Северо-Запад.

*

Он и сам зовёт себя Северо-Западом, даже там, где переживает северные белые ночи. Широтные свойства природы отступают перед секторальным единством культуры и истории.

В естественно-географическом определении Северо-Запад тяготеет к Балтике. Геологи добавят про девонскую платформу — мелкоскладчатый озерный край и, следовательно, бесплодие. В анонсе образом Северо-Запада выступает левитановское озеро Удомля: «Над вечным покоем» (см. рис. 4).

*

Определить характер доли можно и через внешнее соседство. Если Северо-Восток — единственная четверть, у которой почти отсутствуют соседи (кроме участка финской и норвежской границы); если его внешние соседи — океаны, то три другие доли обладают сухопутными соседями.

Северо-Запад есть область соседства со Скандинавией и с немецким рыцарством. Со Швецией и с Ливонией, которая после Ливонской войны и внутреннего кризиса второй половины XVI века постепенно превратилась в шведскую периферию.

С этим «внешним» определением Северо-Запада глубоко связано другое, «внутреннее»: неразстворимость русской идентичности, или устойчивость суверенитета. На рубеже с немцем и шведом ковалась суверенная идентичность. Псковская крепость уже не могла удержать немецкие танки, но оккупация не изменяла идентичность. В отличие от Юго-Запада. И в этом смысле гений Северо-Запада — конечно, Александр Невский, стоящий против немцев и против шведов одновременно. Стоящий во имя идентичности.

Псков — мощный образ Северо-Запада, неразложимой суверенной идентичности, как и все каменные крепости края, которые в большинстве не являются кремлями, поскольку не обладают княжьиными дворами. Это образы пограничья. А образное ядро Северо-Запада — новгород-псковское зодчество в целом. Им же маркируется географическое ядро, если нанести на карту храмы и монастыри того периода.

*

«Московский» взгляд на карту говорит нам, что западноевропейская проблематика почти всегда юго-западная, и только Латвия, Эстония, вся Скандинавия, Шотландия, Исландия — северо-западные (рис. 6).

*

Повремену на меже Северо-Запада с Юго-Западом. Географическая параллель Москвы пролегает выше Смоленской, ниже Рижской дороги, между Смоленской и Тверской губерниями, так, чтобы Смоленщина целиком отходила Юго-Западу, а Тверская земля — целиком Северо-Западу. За Смоленской землёй, как другое крыло бабочки с телом Днепра, стоит Полоцкая земля. (См. рис. 6.)

Она составляет бóльшую часть современной Белоруссии, но имеет свой север — Витебскую губернию, или Подвинье. Землю Западной Двины, а не Днепра. Двины, которая в Латвии называется Даугавой и течёт в Рижский залив. Это балтийский ареал, балтийская губерния. Казалось бы, согласно одному из прозвучавших выше определений, Витебская губерния должна относиться к Северо-Западу, тогда как Поднепровье, Черноморье — к Юго-Западу.

Однако, полагаю, следует отнести Витебскую землю к Юго-Западу, поскольку множество иных факторов перевешивают природный фактор балтийского стока. Когда в двинском озерном пейзаже, в сосняке без подлеска, на светлых песках вы услышите взрывное «гэ», — балтийские воды потекут в Чёрное море. Или когда услышите здесь «хата», да еще применительно к явной избе. Действительно, «хата» на Украине — это хата, «хата» в Белоруссии — изба, но именуется по-южному. Где начинаются взрывное «гэ» и «хата» — там, конечно, Юго-Запад.

*

Самое существенное определение русского Юго-Запада — увы, литовско-польская экспансия. Взгляд из Москвы — не самый древний взгляд; но именно когда Москва открыла веки, стала играть геополитическую и духовную роль, с начала XIV столетия, — тогда на дальнем юго-западе зашевелился Гедимин.

Конечно, и до Гедимина шла экспансия Литвы в загадочное Городенское княжество⁹, в Новогрудок¹⁰ и в Полоцкую землю. Но когда Москва открыла взор, Литва вошла в главную фазу экспансии, связанную с тремя поколениями князей, с Гедимином, Ольгердом, Витовтом.

Москва скоро увидела Юго-Запад как целостность, формируемую литовским и польским давлением. Это и сегодня актуально, только за Литвой и Польшей стоят новые игроки. Позволю себе дать такое определение, зеркально определению Северо-Запада: Юго-Запад — территории неустойчивого суверенитета.

Если в первой половине — середине XIV века Литва и Польша продвигались на Русь розно, враждая за Галичину и Волынь, то с конца того же столетия можно говорить о польско-литовской экспансии.

И снова оговорки: определение «неустойчивый суверенитет» никак не относится к Новороссии с её городами-героями и совершенно отдельной историей, то есть

⁹ Гродненское, Городенское, княжество — удельное княжество с центром в Городне, Гродно, в составе Древнерусского государства. Впервые в русских летописях упоминается в начале XII века. Городенское княжество считается первой формой государственности на территории Чёрной Руси. После 1183 года известия о Городенском княжении пропадают из русских летописей. В XIII веке распалось на уделы (Новогрудский и Волковыский), которые при неизвестных обстоятельствах в 1240-х годах вошли в состав Литовского княжества.

¹⁰ Новогрудок — город в Гродненской области Белоруссии, районный центр Новогрудского района, в прошлом один из главных политических и культурных центров Великого княжества Литовского.

Рис.6. Граница Северо-Запада и Юго-Запада от Москвы до Балтийского моря.

к старшему, греко-римскому миру, колонизованному Россией. Определение относится лишь к коренной русской территории, земле княжений. На Юго-Западе они чрезвычайно многочисленны. Даже не говоря о мелких и вторичных делениях, а только о больших землях-княжениях.

Непосредственно к Москве подступали Смоленская земля по Можайску (с XIV века — по Вязьме) и Черниговская земля — по Тарусе. За этими двумя землями стояли: за Смоленщиной — Полоцк, за ним — загадочное Гродно; за Черниговщиной — Киевская земля с Туровом и без; Волынь, Галичина; Переяславское княжество (земли нынешнего Переяслава-Хмельницкого); колонизуемое под началом литовских князей Подолье. Венгерское Закарпатье вряд ли было видимо, но сегодня мы должны держать в поле зрения и его.

Это разнообразие земель в домосковское время воспринималось как мозаика, в том числе глазами Северо-Востока. Великие князья Владимирские строили отношения с каждым куском мозаики отдельно. Разные отношения, включая брачные, союзнические, враждебные. Александр Невский женится у последнего полоцкого князя. Андрей Боголюбский хотел держать Киев руками смоленских князей. Всеволод Большое Гнездо видел на юге главным соперником или партнёром Святослава Черниговского и Киевского. Существовали брачные связи с Волынью и Галичиной. Словом, мозаичность Юго-Запада преобладала над целостностью.

Но тогда же, когда Москва получила великокняжеский ярлык и резиденцию митрополита Киевского, эта мозаичность начала унифицироваться фактором Литвы. Ольгерд захватывает Брянск, Мстиславль (который так и остается в Белоруссии, будучи

смоленским городом). Ольгерд трижды подступает к Москве, и эти войны называются литовщиной. Ещё при жизни Гедимина Ольгерд подступает к Можайску, причем в союзе со смолянами, чтобы вернуть Можайск Смоленску. Словом, Юго-Запад делается территорией, за суверенитет и идентичность которой надо бороться.

Да не обидит калужан, туляков, брянцев или смолян определение «неустойчивый суверенитет»: со времен экспансии Витовта и до литовских войн Ивана III граница на черниговском направлении пролегла по Угре, между Калугой и Воротынском; на смоленском направлении — между Можайском и Вязьмой; а за Окой стоял форпост Литвы Любутск, соседствуя с Алексином. Только по перемирию 1503 года граница была отброшена почти к стенам Киева и вся Черниговщина стала московской.

Добавлю, что в церковном отношении Москва в XIV веке столкнулась с тем же, с чем сегодня: Константинополь учреждал то Галицкую, то Литовскую митрополию по просьбам новых суверенов Юго-Запада. Отдельно для польских и для литовских земель Руси. Следовательно, и в этом отношении Москва сразу увидела Юго-Запад как проблему — и как проблемную целостность. Как каноническую территорию, которую митрополиты Киевские, пребывающие в Москве, рискуют потерять.

*

Продолжив границу русских Юго-Запада и Северо-Запада, то есть полоцко-псковскую границу, за пределы Руси, мы видим, что лишь рыцарские земли нынешних Латвии и Эстонии уходят к Северо-Западу, а Литва вместе с Польшей — к Юго-Западу. То, что мы называем Прибалтикой, на взгляд древней Москвы не составляло единства. Литва — юго-западная, а Ливония — северо-западная страна. Граница между ними в пору литовско-польских войн с немецким рыцарством была военной. Историко-культурные различия на их меже существеннее, чем географическая близость.

Подобно тому как мы определили Северо-Запад через соседство с немецким рыцарством и Скандинавией, можно сказать, что Юго-Запад — это соседство с Литвой и Польшей. Но, в отличие от Северо-Запада, суверенитет и идентичность территорий Юго-Запада колеблются или ломаются в таком соседстве.

Подвинье (Полоцк, Витебск) противостояло и немецкому рыцарству, но выстояло против него, лишь став Литвой и растворив себя в ней, а следовательно, должно считаться Юго-Западом.

*

Что касается Новороссии, поставим вопрос: являются ли греко-римская античность и её опорные точки в северном Причерноморье маркирующими для Юго-Запада? Можно ли сказать, что Юго-Запад опирается на греко-римские полисы Северного Причерноморья? (Рис. 7.)

Пожалуй, греко-римские полисы и точки колонизации выходят за эти пределы к юго-востоку, в область московского шестого часа.

Рис.7. Карта Северного Причерноморья в античный период и долгота Москвы.

*

Давайте попробуем проложить московский меридиан на юге. Он ляжет между дорогой седьмого часа на Крым и дорогой шестого часа на Дон (рис. 8). Можно ли говорить о нём как о границе Юго-Запада и Юго-Востока? Конечно, так и есть.

Географически это водораздел верхней Оки и верхнего Дона, южнее — Днепра и Дона. Исторически — граница Чернигова с Рязанью и Диким полем. Еще князь Игорь пересек эту границу дважды, оставив Русь «за шеломенем» и воротившись. Разлом Черниговщины, то есть отпадение Рязани с Муромом, случился в 1127 году и пролегал примерно по водоразделу Оки и Дона. Черниговщина, как мы говорили, есть часть Юго-Запада. Рязанщина — определено часть Юго-Востока, ближняя к Москве, в границах княжеской Руси, вкупе с Муромом и загадочной Мещёрой.

Восточная граница Черниговщины (Северщины) и продлевающая ее к югу, по водоразделу Днепра и Дона, восточная граница Переяславщины стали пределом литовской экспансии на стороне Рязани и Орды. Ягайло не дошел до Куликова поля, развернувшись от Одоева (близ Тулы). Олег Рязанский противостоял Витовту. Витовт был остановлен татарами в битве на Ворскле (Полтавщина).

*

Ближний Юго-Восток — это средняя и нижняя Ока, а также рязанский Дон. У княжеской Рязани и у земель за ней есть общее «природное» определение: степь. За рязанским рубежом это Дикое поле, с XIII века — Орда.

Рис. 8. Великое княжество Литовское, его восточная граница и долгота Москвы.

Рис. 9. Литва, Орда и долгота Москвы. XV век.

Важнейшее определение — ислам. Волжская Булгария, страна четвертого часа, стала исламской раньше, чем Русь — православной; Орда — с XIV столетия.

Юго-Восток есть то, что обиходно называют Востоком. Не «Русским Востоком», а Востоком в общемировом употреблении слова. Когда мы говорим про этот мир: «Восток» — мы смотрим словно с берегов Босфора или Босфора Киммерийского¹¹, глазами старого греко-римского мира. Смотрим из Рима, Иерусалима, Константинополя. Москва перенимает это представление, что, кстати, возвышает её. Как следующий, Третий Рим, Москва зовёт Востоком то, что для неё самой определённю Юго-Восток. Действительно, ни Вятка, ни Пермь, ни угро-финские племена северного Зауралья не входят в эту долю мира.

Русь оформляла свой Юго-Восток оригинальным образом. За географически крайней Рязанской епархией, прямо в Орде, возникла, как вы знаете, Сарайская епархия. Со временем Москва взяла короны трех татарских царств, возникших на руинах Большой Орды, включив все три в свой царский титул.

*

Подонье — часть Азово-Черноморского бассейна; следовательно, опора на Чёрное море не относится к определению одного лишь Юго-Запада. И это возвращает нас к теме греко-римских полисов.

Спускаясь к морю по московскому меридиану, мы отдаем Юго-Востоку крайние точки античной, византийской, гунезской и венецианской колонизации: Танаис¹², Тану, полисы Тамани, берега Колхиды. Проблематика Кавказа – целиком юго-восточная, это земля *шестого часа*.

Дальше интересно провести меридиан за море. Самое заманчивое – положить его на Керченский пролив. Но я бы подумал о том, не отнести ли двубережное Боспорское царство, а позднее — двубережную русскую Тмутаракань¹³ целиком к одной или другой доле мира. Есть сильная черта и сильный образ, относящие Керчь к Юго-Востоку: крепостной вал Боспорского царства, пересекающий Керченский полуостров. Давайте оставим этот вопрос открытым.

Подобно тому как получило смысл продление московской широты в Западную Европу, рискну продлить меридиан Москвы в Переднюю Азию. По долготе Москвы Анатолийский полуостров разделяется на два бассейна — Средиземноморский, то есть Атлантический, и Индоокеанский (земли по Евфрату). (Рис. 10.) Миры, тяготеющие к Индийскому океану, окажутся для Москвы Юго-Востоком, а миры, тяготеющее к Средиземноморью, — Юго-Западом.

¹¹ Босфор (Боспор) Киммерийский — древнегреческое название Керченского пролива.

¹² Танаис – античный город (III в. до н. э. — V в. н. э.) в устье реки Дон, в 30 км от Ростова-на-Дону. Один из крупнейших в России археологических музеев-заповедников.

¹³ Тмутаракань — 1) древнерусский эксклав, княжество по берегам Керченского пролива и 2) стольный город этого княжества, один из древнейших городов Таманского полуострова. Расположен на территории нынешней станицы Тамань Темрюкского района Краснодарского края.

Рис. 10. Океанский водораздел Ближнего Востока и меридиан Москвы.

В частности, это граница эллинизированной Анатолии с Великой Арменией. Существенная, ментальная граница. Именно к ней прорывалась Россия в своей защите Армении. Образно говоря, именно эту стену штурмует конный Пушкин на своем рисунке к «Путешествию в Арзрум».

*

Продлённый таким образом, меридиан Москвы оканчивается — а лучше думать: начинается — в Иерусалиме, что подтверждает правоту нашего представления. Символически, московский меридиан есть иерусалимский, хотя бы и с поправкой на 2° долготы. Воды Святой Земли, Кедрон¹⁴ и Иордан, текут в Мёртвое море, не имеющее стока. В этой межконтинентальной полости — корень московского меридиана.

*

Завершая круг, осталось показать примеры «демаркации» Юго-Востока с Северо-Востоком. Только отдельные примеры, поскольку протяжение московской параллели на восток огромно, а время сообщения коротко.

Напомним, мы относим Егорьевско-Касимовскую дорогу к четвёртому, а Владимирско-Нижегородскую — к третьему часу. И не видим дороги строго

¹⁴ Кедрон (ивр. «Нахаль Кидрон» — «ручей Кидрон») — долина и русло пересыхающего потока, отделяющего собственно Иерусалим от Елеонской (Масличной) горы и впадающего в Мёртвое море.

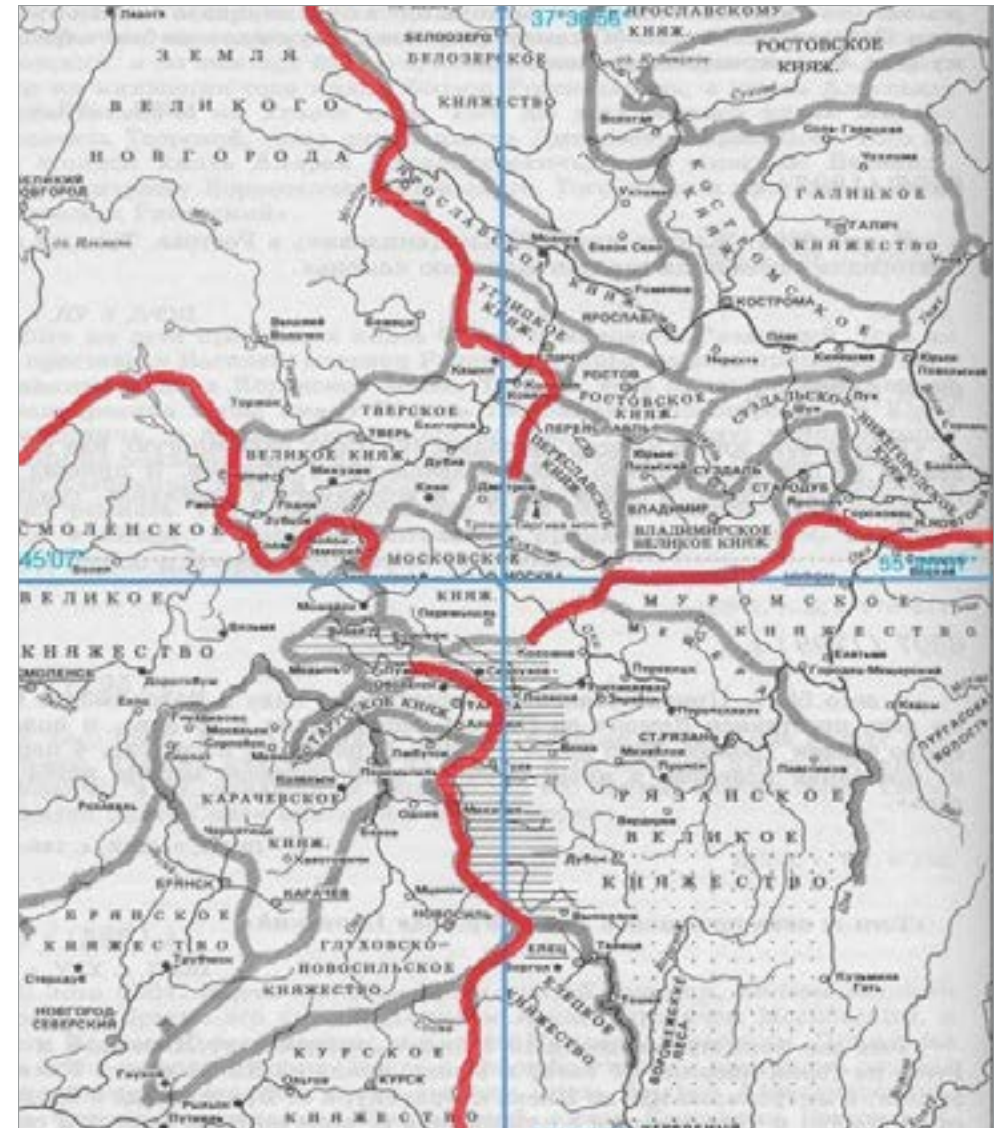

Рис. 11. Русские княжества, границы четвертей, долгота и широта Москвы.

на восток, на три часа, кроме местной, Шатурской (как не видим на строгом западе иной, кроме местной Звенигородской). Московская параллель выходит на межу Великого княжества Владимирского с Муромским удельным княжеством (рис. 11).

Вообще-то Муром — одна из самых загадочных земель. (Рис. 12.) Это Юго-Восток не только географически, но и по изначальной принадлежности Рязани, по совместному отпадению от Чернигова, по общности рязано-муромского княжеского дома,

по общности епархии, именованной сначала Муромо-Рязанской (не наоборот). Но Муром хочет быть Северо-Востоком и сознает своё желание. С конца XII века он дрейфовал к Владимиру. Сейчас он во Владимирской губернии.

Определённо принадлежит Юго-Востоку Мещёра с Касимовом. Мещёра свидетельствует, что Юго-Восток может быть лесным, а не только степным. Кроме Мещерского, знаем Муромский и мордовский леса. Это низменные леса.

За Муромской Окой московская параллель выходит к Волге ниже Нижнего Новгорода. Там, где Волга делает широтный поворот и сама становится границей Юго-Востока с Северо-Востоком. Это граница степного мира с лесным — Керженским и Ветлужским.

Красноречива пара Макарьева монастыря на лесном берегу с Лысковом на степном¹⁵. У Лыскова болгарская археология, маркер Юго-Востока. А Макарьев Желтоводский монастырь — словно проекция Китежа из глубины керженского леса на Волгу. Существует предание, что между Макарьевом и Китежем есть холм, на котором, приложив ухо к земле, можно услышать колокола обоих в резонансе.

Важнейшее определение Юго-Востока — ареал так называемых крестьянских войн, то есть казачьих и инородческих восстаний. Юго-Восток — он разинский и пугачёвский. Так вот, Стенькин отряд не взял Макарьев. Другой прошёл Ветлугу рейдом и ушёл.

Когда Волга поворачивает на юг, московская параллель, оставив Юго-Востоку его столицу Казань, ищет лечь на широтное течение Камы. Вполне согласно с административной картой, на которой Казанская губерния, а ныне Татарстан, относится к Юго-Востоку, Вятский и Пермский края — к Северо-Востоку. Здесь очень ясное деление, но интересны детали.

Елабуга — редкий случай шарнира, города со свойствами обеих долей. На её южной оконечности высится болгарское городище с башней, относящее город к Юго-Востоку, а в первой линии застройки — дом Ивана Ивановича Шишкина. Это гений места, но какого? — вятского леса. В его пейзажах преобладает хвоя, особенно сосна, а не дуб и не степь. Двукратный переход Елабуги между Казанской и Вятской губерниями означает, что город затрудняется с выбором стороны. Шарнир.

*

Мы вернулись к Северо-Востоку. В Предуралье и за Уралом ясно видно, что это земля финских племён, за важным исключением тюркского племени якутов. Прочие же тюрки принадлежат определению Юго-Востока. Широтная граница за Уралом есть граница финско-тюркская, затем монгольская. Граница таёжного мира со степным. Граница оленя, в том числе боевого, с конем.

Сибирь несколько не едина. Существует же понятие «Южная Сибирь» в Российской Федерации и в Казахстане. Это и есть Юго-Восток на взгляд Москвы. Тува, Бурятия,

¹⁵ Лысково — одно из древнейших поселений на территории Нижегородской области; селение Лысково упоминается в летописях с 1410 года, но существовало с XII века как болгарская крепость Сундовит на берегу реки Сундовик.

Рис. 12. Муромо-рязанский, болгарский и степной Юго-Восток.

Байкал и Забайкалье, Приамурье и Приморье — классический Юго-Восток. И главные дороги, как автомобильные, так и железные, предпочитают двигаться в степном, юго-восточном секторе *четвёртого часа*. Так легче, чем тайгой *третьего часа*. Видим также, что таёжный Северо-Восток не обладает должной радиально-веерной коммуникацией; что для проникновения в него нужен подъём речными и приречными меридианами от радиальных транссибирских трасс Юго-Востока.

Важнейшим маркером Юго-Востока было Сибирское ханство. Столица ханства¹⁶ на широтном отрезке Иртыша была, как можно полагать, шарниром между государственнообразующей татарской территорией — и угро-финской сырьевой периферией ханства. (Рис. 13.)

¹⁶ Кашлык (Сибирь, Сибир, Сибер, Ибер, Искер) — город, столица Сибирского ханства. Находился на правом берегу Иртыша при впадении реки Сибири, в 17 км выше современного Тобольска. В 1582 году город занял казачий атаман Ермак, завоеватель Сибири.

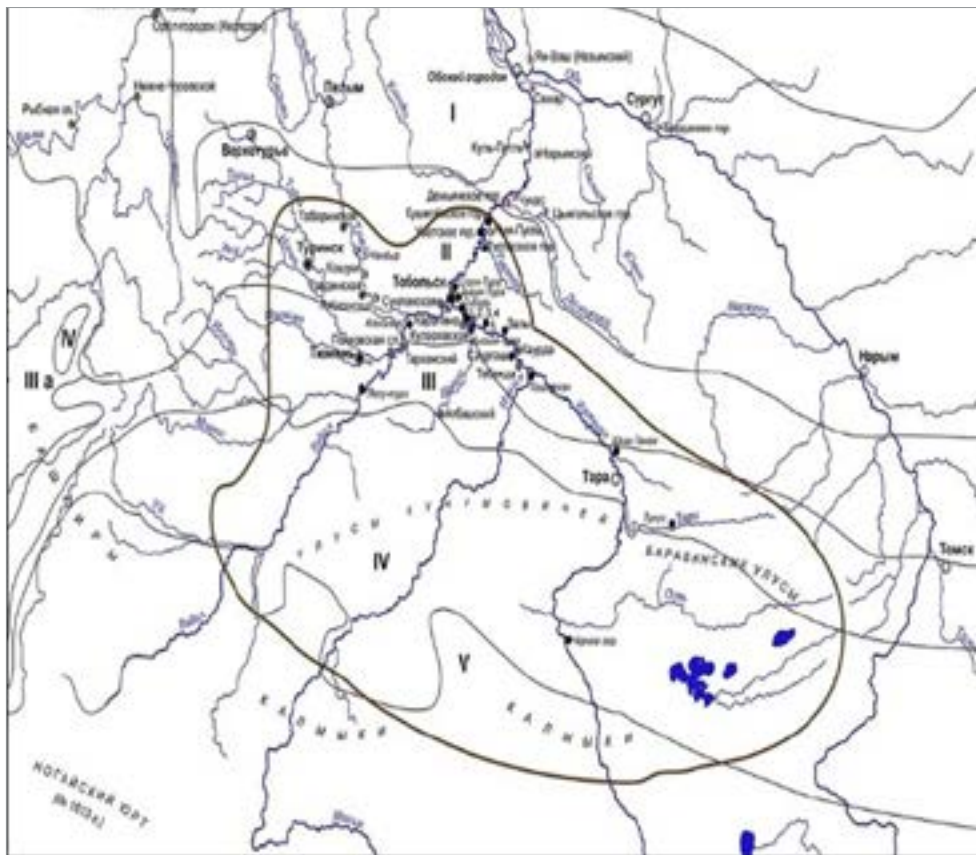

Рис. 13. Сибирский Юрт и ранние русские города Сибири.

Может быть, преемником того шарнира стал Тобольск. Мне кажется, что горная ступень Тобольского кремля — ступень подъема с татарского Юго-Востока на вогульский Северо-Восток. Впрочем, и за этой колоссальной ступенью, где улица-взвоз была так крута, что превратилась в лестницу; за спиной кремля ещё встречаются татарские селения; Ханты-Мансийский округ начинается повыше. Надо думать, дальше.

Пропускаю все дальнейшие подробности широтной демаркации, тем более что не везде бывал. На выходе к Тихому океану московская параллель отдает Юго-Востоку горячую гейзерную Камчатку.

*

В заключение напомним исходную мысль сообщения: промежуточные стороны света, четверти московского круга, суть историко-географические и культурные реальности.

*

Есть ли у такого знания практический смысл? Уверен, что да. Начиная от правильного проектирования дорожной сети, заканчивая геополитикой и геостратегией.

Можно вбить в поисковик карты названия пунктов, лежащих на древнем продолжении Дмитровской дороги, и компьютер пробьет экстремальный автомобильный маршрут западнее Белого озера, в направлении Петрозаводска и Мурманска, но оборвет его в болотах, не доезжая озера Онега. И мы поймем, что у Москвы попросту нет прямой дороги на Петрозаводск и Мурманск. То же самое с обрывом Савёловской железной дороги: это одна и та же проблема пути *двенадцатого часа*. Отсюда следуют чисто практические выводы.

Или Стромынская дорога *второго часа*: продлившись за Черноголовку в качестве федеральной трассы на Кострому и Вятку, она бы разгрузила Ярославку и Владимирку.

Про геополитические выводы особый разговор. Замечу только, что воюющий Донбасс есть часть Юго-Востока, а не Юго-Запада. Думаю, вы видели это, когда мы гуляли по карте.

Александр Николаевич, прервите меня, пожалуйста. Остальное смогу добавить в режиме вопросов-ответов.

Аплодисменты.

А. Н. Привалов

Прерываю, Рустам. Спасибо огромное. Думаю, в ходе сообщения нашего сегодняшнего докладчика мы получили предельно стратегичный взгляд.

В соответствии с нашими правилами — пожалуйста, вопросы к докладчику.

Р.Э. Рахматуллин

У меня самого был первый вопрос. Тест: какое произведение живописи является образом Юго-Востока? Я его не нашёл.

Реплика

Петров-Водкин.

Р.Э. Рахматуллин

Петров-Водкин? Как пространственный образ?

А. Н. Привалов

Прошу вас.

Игорь Сид, поэт, эссеист, путешественник

Рустам! Твои интеллектуальные эскапады, безусловно, всегда являются вызовом. Тебе хочется всегда противоречить, потому что набрасывание столь красивой схемы на культурное пространство, хотя бы на отдельных участках, — это насилие над фактурой.

Игорь Сид

Два таких момента. Во-первых, вопрос: может быть, не греко-римское пространство на стыке Юго-Запада со смещением на Юго-Восток, а греко-скифская? И здесь же — о Донбассе, притягиваемом тобою Юго-Востоком. Донбасс — это ведь дикое поле, а дикое поле со всеми, в основном тюркскими, волнами с востока — это в общем-то продолжение Скифии в каком-то смысле. Это раз.

А второе — вспоминается замечательная цитата, которая теоретически тебя сразу опровергает, из нашего общего, не менее безумного друга Александра Павловича Люсого, что «Россия вытянулась на восток в погоне за соболем». То есть чёткое движение между Юго-Востоком и Северо-Востоком на восток. Прокомментируй, пожалуйста.

Р.Э. Рахматуллин

Движение за соболем и есть северо-восточное, а не восточное движение. Тут опять обыденное употребление слова «восток». Соболю северо-восточен, как тайга.

По первому вопросу. Причерноморье требует многих поправок к предложенной модели. И скифы, и Крымское ханство. Ислам, проникающий на Юго-Запад; ислам,

которому принадлежали Балканы и которому до сих пор принадлежит Передняя Азия. И сама степь, подступающая к дельте Дуная. Потому особенно трудно прочертить меридиан в Северном Причерноморье. Есть силы, которые словно прогибают его к западу, и силы, которые — к востоку. Граница колеблема. Я об этом немного сказал, когда оставил открытым вопрос, куда относить Боспор/Тмутаракань. Делить ли эти земли по Керченскому проливу, что, казалось бы, напрашивается, или обособить Керчь. Вспомним, что Екатерина взяла Керчь к России раньше, чем остальной Крым, когда остальной Крым получил вассального хана. Ханство сохранялось еще несколько лет, а Керчь уже была русской. Со времён Митридата есть много признаков, что Керчь на особом, царском положении.

Понятно только, что никакой фактор не должен отсекал другие. Берётся во внимание вся совокупность факторов.

А. Н. Привалов

Спасибо. Ещё вопросы, пожалуйста. Прошу, Михаил Иванович.

М. И. Москвин-Тарханов, *заместитель председателя Общественной палаты г. Москвы.*

Рустам Эврикович, давайте посмотрим на карту так, чтобы была видна, скажем, Польша, Варшава. Славный город Варшава. В нём есть хотя бы одна дорога, ведущая на север? Или дороги Варшавы располагаются по меридианам и параллелям? Давайте посмотрим Минск, давайте заглянем в Киев. Можно посмотреть Париж, и мы увидим то же самое — что нигде нет чёткой ориентации: север, юг, восток, запад. Имеет ли смысл привязывать направление конкретной дороги, куда-то ведущей, по которой ходят люди, возят товары, которые соотносятся с рельефом, со многими другими вещами, — с некоторыми векторами, которые вы показываете: северо-восток, северо-запад, юго-запад, юго-восток? Вектор — вектором, а дорога — дорогой, поэтому получается какая-то натяжка. Посмотрите Киев. Тоже город. Ну где там восток, где там запад? Любой город возьмите, и вы увидите, что дороги идут совершенно произвольно и не совпадают с двенадцатью, шестью, тремя и девятью часами.

Р.Э. Рахматуллин

Спасибо. Ваш вопрос, вероятно, о том, как организован мир, русский или иной, от иной столицы. Можно сделать построение от Новгорода, Киева, Петербурга. Можно от Варшавы, за что я точно не возьмусь. Есть ли от Варшавы меридиональная дорога, можно посмотреть в другом масштабе. Меридиональная дорога от Киева, конечно, существует — вдоль Днепра. Это путь из варяг в греки в его сухопутном аналоге. К северу он прерван искусственными разливами притоков Днепра. Есть и дорога Киев — Чернигов — Гомель — Могилёв — Витебск — Псков — Петербург. Она же дорога Киев — Умань — Одесса. В сущности, тот же самый меридиональный путь из варяг

М. И. Москвин-Тарханов

в греки. Принципиально, что у Киева есть меридиональные дороги, потому что Киев нанизан на путь «из варяг в греки». Если современная дорога уклоняется к Чернигову, к северо-востоку, — это ситуативное уклонение, использование черниговской дороги как днепровской. Нужно добавить и собственно речное движение, которое в ранние времена обладало преимуществом перед сухопутным.

Конечно, интересно сделать построение от Киева. Будет ли оно четверичным, будет ли ориентировано на промежуточные стороны света? Мы видим, например, что Полоцк будет для Киева Северо-Западом, а Смоленск и Чернигов — Северо-Востоком. Но над Полоцком и Смоленском будет надстоять новгородская земля, как Север, но это Север, разделённый волховским, то есть днепровским, меридианом. Тут надо думать от начала.

Я же пытался построить картину именно москвоцентричную.

М. И. Москвин-Тарханов

Это вы ответили не на мой вопрос. Мой вопрос: имеет ли смысл привязывать конкретные дороги к направлениям и векторам развития?

Р. Э. Рахматуллин

Думаю, да.

М. И. Москвин-Тарханов

Вот в чём вопрос — что эта привязка сама по себе неправомерна.

Р. Э. Рахматуллин

Почему?

М. И. Москвин-Тарханов

Потому что дорога — конкретная. Она конкретно ведёт в направлении из города в город. По ней мигрируют люди и товары. А направления векторов — движения гораздо более масштабные и охватывают собой целые пространства.

Р. Э. Рахматуллин

Основные дороги ведут к центрам власти, к центрам земель, таким как Новгород, как Тверь, Смоленск, Рязань, Чернигов, Ростов, Суздаль, Владимир. Сами дороги разветвляются, конечно. Ровно на московском меридиане можно найти дорогу на Полярную звезду: Рыбинск — Череповец — Белое озеро, или Пошехонский речной путь. Однако он не начинается в Москве. Чтобы встать на этот путь из Москвы, надо двигаться хордами с Дмитровки через Талдом, с Ярославки через Сергиев Посад, Переславль, Ростов или Ярославль. Нет у Москвы полуночной дороги, при том что Пошехонский путь имел важнейшее значение.

А. Н. Привалов

Лев Матвеевич, вы хотели задать вопрос?

Л. М. Зелёный, научный руководитель Института космических исследований РАН, профессор, академик РАН

Рустам, очень люблю вашу книгу «Метафизика столицы». У меня два вопроса. Вы привязали весь московский мир к дорожной сети. Дорожная сеть делается людьми, а речная сеть — от Бога. Как московский мир сформировался речной сетью и как люди меняли его? Ведь Москва — порт пяти морей, как мы все знаем. Напор и энтузиазм 30-х годов в строительстве каналов действительно изменил эту сеть. В чём сверхзадача в вашей картине?

Второй вопрос связан с вопросом про Варшаву. Варшава далеко, а Санкт-Петербург нависает. Как северо-западный мир Москвы давится, модулируется, меняется с присутствием Санкт-Петербурга, где граница между ними?

Р. Э. Рахматуллин

Вы представляете, сколько тут ответов! Услышав, где вы работаете, включаю «спутник» [Яндекс-карты в режиме «спутник»]. Что вы там видите? Теряем ясность!

Л. М. Зелёный

Л. М. Зелёный

Всё, что вы видели до сих пор, это тоже со спутника.

Р. Э. Рахматуллин

Шучу. Но реки видны. Конечно, речные пути старше и поначалу легче. Конечно, просека в лесу в княжеские времена — это какой-то «федеральный проект». В моём построении речные пути и бассейны в целом совпадают с четырьмя долями.

Конечно, ствол Юго-Запада — Днепр. Уже говорил, что Юго-Запад не равен Поднепровью, однако Поднепровье — основной массив Юго-Запада. Образом Юго-Запада в анонсе выбрана «Ночь на Днепре» Куинджи. (Рис. 4.) Стволы Юго-Востока — Дон, Средняя и Нижняя Волга. Ствол Северо-Запада — Волхов, с той оговоркой, что на Северо-Западе озеро может иметь большее значение, чем река. Это земля великих озёр, в отличие от Северо-Востока, где великое озеро редкость и служит едва ли не обслуживанием города. Плещеево, Неро, Галичское, Чухломское, Белое озёра — такие чудеса для Северо-Востока, что сразу — город. На Северо-Западе озеро не чудо, и озёрных городков там множество. Хотя одни поважнее других, как княжеский Торопец. На Северо-Востоке есть артерии Волжского стока — Шексна, Кострома, Унжа, Ветлуга,

Вятка, Кама и некоторые поменьше. Это левый борт Волги. И есть океанские реки — Онега, Северная Двина, Печора, а также все великие сибирские реки.

Важно, что океанский сток не является определяющим для различения Северо-Востока и Юго-Востока в Сибири. Потому что степной и горный Юго-Восток Сибири тоже «течёт» в Ледовитый океан, пока не начинается бассейн Тихого океана.

Среди многого другого я не успел сказать, что, вероятно, московский меридиан за Уралом подсказывает на другую широту. Что граница сибирского Севера и сибирского Юга лежит не на московской широте, повыше. Её как будто «смывает» к северу течением великих рек. Уже Тобольск стоит выше Москвы по широте. Ответил на ваш вопрос?

Л. М. Зелёный

Первый вопрос. А про Петербург?

Р. Э. Рахматуллин

Петербург — огромный сюжет. Можно я ограничусь каким-нибудь одним этюдом?

Москва в Причерноморье смогла отвоевать только устье Дона. Петербург смог отвоевать всё Причерноморье. В этом некоторое оправдание для меня, как москвоцентриста, петербургского проекта Петра. Для своего успеха Петербург вышел на меридиан пути из варяг в греки, на киево-константинопольский меридиан. Это важно и для понимания так называемых разделов Польши. Разделы выглядят как западное движение империи. Но если мы смотрим из Петербурга, то видим, что это южное движение. Восполнение Днепровского бассейна, русской полноты. Завершение воссоединения русских территорий. Нужен Петербург, чтобы так ясно видеть, потому что на взгляд из Москвы это, повторю, западное движение. В таком смысле все екатерининские успехи на Юго-Западе — они петербургские.

Л. М. Зелёный

Спасибо. Ждём книгу «Метафизика Петербурга».

Р. Э. Рахматуллин

Там есть свои люди.

А. Н. Привалов

Там должно писать своим ребятам. Ещё вопросы, пожалуйста. Прошу вас.

А. С. Горелик, *эксперт по международным организациям, директор Информационного центра ООН в г. Москве в 1999–2014 годах.*

Спасибо большое, аплодисменты заслуженные. Экзерсис, на мой взгляд, чисто ментальный, и его можно вертеть по-своему, наполнять тем или иным содержанием, но очень интересно, увлекательно. Вопрос мой такой. Вы признались, что вы...

А. С. Горелик

Р.Э. Рахматуллин

...москвоцентрист...

А. С. Горелик

...москвоцентрист. Если ваш экзерсис развернуть немножко в будущее. Картина, если я что-то понял из того, что вы говорили, она действительно немножко перекобочена по ряду параметров. Мы знаем, что история человечества, в том числе недавняя, знает несколько примеров, когда столицы переносились. Чтобы выправить — мой вопрос — какие-то перекосы, где, вы считаете, было бы оптимальное, правильное место для переноса столицы?

Р.Э. Рахматуллин

Всё сказанное в исходном сообщении свидетельствует, что размышления о переносе столицы являются праздными или прямо вредными. То, как помещается Москва в этой структуре, означает, что это богоданный город, если переходить в высокий речевой регистр. Мы это знаем уже от митрополита Петра, из его обетования Москвы, данного в XIV веке.

Расположение Москвы органично, а не геометрично, как может показаться из рассказа. Предпочсть этой высокой органике действительно геометрическую схему — с вычислением середины страны, которая окажется где-то в районе Байкала, или с постановкой столицы на Уральском хребте — было бы холодным умыслением. Есть умысел, а есть Замысел (с прописной буквы). О различении Замысла и умысла у меня есть глава в «Метафизике Москвы».

Умысел разрушает органическую структуру. Хотя только что на примере Петербурга мы увидели промыслительную составляющую человеческого умысла. Увидели смысл. Но простые механические движения столиц вредны и бесперспективны.

В конце концов, сегодня я хотел показать, где центр мира.

А. Н. Привалов

Вообще, все переговоры насчёт переноса столицы — это перефразировка старинного анекдота. Когда человек смотрит на своих замурзанных детей и говорит жене: «Этих отмоем или новых наделаем?» Прошу вас.

В. П. Мазурик, *доцент кафедры японской филологии ИСАА (МГУ имени М. В. Ломоносова)*

У меня такой небольшой вопрос. Помещение Китежа, заветного и легендарного, в северо-восточном секторе — связано ли это только с недоступностью, как вы сказали, вообще этой зоны, отсутствием давления Севера? Или в этой метафизике есть что-то ещё? Характерно, что Северо-Восток у вас обозначают «Грачи» Саврасова. Для меня здесь есть некоторые совпадения. Японцы, когда попадают в Третьяковскую галерею, они надолго застывают у этой картины, в отличие от всех остальных. И несколько японцев мне говорили такую вещь: если в русской культуре найти что-нибудь, соответствующее японской категории саби — средневековой отрешённости от всего вообще, — то это вот именно эта картина.

Р.Э. Рахматуллин

Если привести на память корпус китежских текстов, мы увидим, что там действует великий князь Георгий Всеволодович, сын Всеволода Большое Гнездо. Тот, кто встретил Батюгу и погиб в битве на реке Сить. А в китежских текстах говорится, что он встретил Батюгу в той части Заволжья, которая лежала за Городцом Волжским. В бескняжьей земле. Она бескняжья, потому что Нижегородское княжество с Городцом было крайним княжеством. Городец прямо упомянут в китежском предании как Малый Китеж. В этом смысле Большой Китеж есть желание видеть керженско-ветлужскую территорию княжеской, огосударственной. Землей Большого Гнезда. Предание делает Китеж не нижегородским, а прямо владимирским городом. И Батый каким-то образом к нему попадает.

В. П. Мазурик

Р. М. Энтов

А. Н. Привалов

Ещё вопросы, пожалуйста. Прошу, Револьд Михайлович!

Р. М. Энтов, профессор НИУ ВШЭ, академик РАН

Мне кажется, что мы услышали сообщение, очень оригинальное и по форме, и по содержанию. Я бы сказал, что это не только историко-географическая композиция, это историко-географико-поэтическая композиция. Поэтический элемент очень силен, и это очень украшало сообщение. Думаю, что именно это исключает спор вокруг каких-то очень строгих понятий. Этот поэтический взгляд на проблему, наверное, не единственно возможный, но очень интересный.

И у меня в этой связи не столько вопрос, сколько пожелание. Может быть, сейчас вы сможете хотя бы несколько фраз сказать об этом, а впоследствии их развернуть. По-видимому, такое деление определяет и стиль архитектуры соответствующих регионов. И здесь автор является высококлассным специалистом. Если бы мы могли сейчас услышать несколько фраз, а впоследствии более подробный анализ архитектурных особенностей каждого региона, это было бы очень интересно. Спасибо.

Р. Э. Рахматуллин

Я ведь очертил не регионы, а группы регионов. Надрегиональная, интегральная архитектура — редкость. Упомянул деревянные храмы Северо-Востока и каменные храмы Северо-Запада. Казалось бы, можно говорить о совпадении архитектурной образности с границами долей. Но нет, потому что, например, у Твери другая образность. Будь то палладианские усадьбы вокруг Торжка, старицкие белокаменные храмы или торопецко-осташковское барокко. Даже в пределах XVIII века видим мозаику региональных школ.

Упоминалась мозаичность Юго-Запада: огромное число княжений. Ему должна соответствовать мозаичность художественных школ и эпох. Лишь в домонгольский период (Феликс Вельевич [Разумовский] меня поправит) общее превалирует над местным. Например, вертикализм и центризм храмов второй половины XII века, с подъемом среднего прясла¹⁷ над боковыми. Видим такое и в Чернигове,

¹⁷ Прясло — здесь: фасадное вертикальное членение храма.

и в Полоцке, и в Новгороде, и в Смоленске. И вся эта архитектура сложена из византийской плинфы¹⁸.

А на Северо-Востоке в том же веке происходит «белокаменная» революция. Белый камень маркирует суздальский Северо-Восток ярчайшим образом. Белый камень Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского, Всеволода и Святослава Всеволодовича. Когда Юрию Долгорукому Бог отверз разумные очи на церковное здание, его геологоразведчики нашли пласты известняка. Другую белокаменную школу видим в Галичине, и есть целая литература о том, есть ли связь между двумя региональными традициями. Но Северо-Восток обширнее, чем его белокаменное «ядро», да и в самом «ядре» много разной другой архитектуры. Все-таки архитектурные школы и эпохи отражают скорее мозаичность, внутреннее разнообразие каждой доли мира, чем единство доли.

А. Н. Привалов

Спасибо. Ещё вопросы, пожалуйста? Прошу вас.

Игорь Сид

Тут созрел возможный ответ на вопрос по поводу образа Юго-Востока. Вряд ли тебе понравится, Рустам, но как ты смотришь всё-таки на Верещагина, что-то из Верещагина? «Двери Тимура (Тамерлана)», допустим?

Р.Э. Рахматуллин

Александр Николаевич [Привалов] сказал об этом до начала заседания. Верещагин многим приходит на память. Но ищется образ в границах русской земли. Ближе к Рязани.

Игорь Сид

Разве, по большому счету, Средняя Азия не является подбрюшьем того же нашего гигантского медведя? То есть составной частью когда-то хотя бы?

Р.Э. Рахматуллин

Думаю, образ должен помещаться внутри государственного ядра. Если не в границах Рязани, то ниже по Дону, на Средней или Нижней Волге. Скорее, в самом деле, у Петрова-Водкина. Надо искать.

Понятно, что чертёж секторов осложнён чертежом окружностей, прибавленных территорий. Например, на Юго-Западе, как только мы выходим к морю, «Ночь на Днепре» перестает работать, являются образы Новороссии не как степи, а как морской кромки. Побеждает, вероятно, «адмиралтейская» живопись Айвазовского, особенно про встречу гор и моря. Не знаю, какая именно картина. Так и на Юго-Востоке, в дальнем круге прибавленных пространств, находим Верещагина. Но что же в ближнем круге?

¹⁸ Плинфа — характерный для древнерусского домонгольского зодчества тонкий обожжённый кирпич, часто квадратной формы, ширина которого примерно равнялась длине. Применялся в строительстве Древнего Рима, Византии и Древней Руси.

К слову. Я не прокомментировал постановку Поленова на обложку анонса [картина Василия Поленова «Московский дворик» на обложке программы заседания]. Это знак центра, знак Москвы. Он близок «Грачам» Саврасова, там и здесь — обобщение пятиглавой белёной церкви с шатровой колокольней. Но в Москве добавляется городская усадьба вполне сельского вида, и создаётся архетип Москвы, который одновременно, в образе церкви, показывает изначальную принадлежность города Северо-Востоку. Это абсолютное попадание. Лучший образ Москвы. На Юго-Востоке я такого полотна не нахожу.

А. Н. Привалов

Это успеем, как домашнее задание. Ещё вопросы, пожалуйста.

Игорь Сид

Отсутствие образа — не является ли это каким-то уже ответом? Если один из секторов лишён для нас визуального воплощения?

Р.Э. Рахматуллин

Не знаю, если перейти к литературе, есть огромные не оглашённые пространства. Это не означает, что пространства нет.

Игорь Сид

Балдин писал о том, что нет большой литературы о Байкале.

Р.Э. Рахматуллин

Есть пространства, куда писатель не пришёл. Есть пространства, куда не пришёл художник.

А. Н. Привалов

Есть ли вопросы?

А. А. Ракитин, историк, путешественник

Мы говорили об этом, но я всё-таки хотел бы, чтобы это прозвучало. Как рассуждения о четвертях русского мира соотносятся, например, с рассуждением о нулевом меридиане? Слово «Константинополь», по-моему, в рассуждении как-то не звучало, а ведь взгляд на Юго-Запад — это ещё взгляд на больший византийский мир, на римский мир, можно сказать восточно-римский мир. Как смещается граница между Юго-Востоком и Юго-Западом, например, до XIV века, до митрополита Алексия? В Константинополь двигались по Днепру. После митрополита Алексия начинают двигаться по Дону. То есть всё это опять же смещается.

Как в ваше рассуждение можно включить и рассуждения о нулевом меридиане, который, с другой стороны, опирается в миссию Стефана Пермского?

Р.Э. Рахматуллин

Спасибо, Александр. Очень рад, что в наших беседах по-прежнему присутствует Андрей Николаевич Балдин, потому что «нулевой меридиан» — его термин, который мы все много обсуждали.

А. А. Ракитин

Пользуясь случаем, скажу, что и с Александром Ракитиным, и с присутствующими здесь Дмитрием Замятиным, Сергеем Вячеславовичем Рогачёвым мы время от времени говорим о секторальной географии. И словно бы по умолчанию согласны с реальностью существования секторов. Дмитрий Николаевич [Замятин] очень увлечён Юго-Востоком, как и ещё один участник наших бесед — Василий Голованов.

Что касается «большого», или «нулевого», меридиана, — это, на мой взгляд, другая тема. Но мы её коснулись, говоря о Киеве, о Петербурге, о пути из варяг в греки. Меридиан Константинополя пронизывает две доли предложенного чертежа — Северо-Запад и Юго-Запад. Вдоль этого меридиана лежат взгляд Киева, взгляд Новгорода, Херсонеса — Севастополя, но не Москвы. Строя миры от этих городов, мы обязательно приходим к теме «нулевого» меридиана. Он разделяет мир по-своему.

Сегодня мы искали меридиан Москвы. Как вариант просится радикальное предложение изогнуть его сквозь два Босфора. Сам язык как будто просит это сделать, поскольку есть Босфор — и Босфор Киммерийский. Но я бы не пытался совместить

К. П. Михайлов

московский меридиан с константинопольским. Он иерусалимский, и сегодня мы пытались найти в этом смысл.

Византийская проблематика, включая балканскую и переднеазиатскую, — она для Москвы Юго-Западная, с той важной оговоркой, что на Юго-Востоке, в шестом часу, стоит Кавказ и лежит пустынная часть Сирии.

А. Н. Привалов

Рифмы с сегодняшними событиями — не намеренные. Так, закончились у нас вопросы? Прошу!

К. П. Михайлов, координатор движения «Архнадзор», главный редактор портала «Хранители наследия», член Совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству

Рад всех приветствовать. Рустам, во-первых, я думаю, мы все тебя должны поблагодарить за то, что ты, отвечая на одни десятки вопросов, порождаешь в то же время в голове сотни новых, на которые тут же начинается мучительный поиск ответов.

Я хочу спросить: что ты думаешь о столицах и о путях в столицы по этому пространству? Из того, что ты сегодня говоришь, как я понимаю, во-первых, разрушается традиционное противопоставление Петербурга как окраинной столицы и Москвы как срединной столицы нашей цивилизации. По логике твоего изложения, она [столица] оказывается — по крайней мере в моем восприятии — не столько в центре пространства, сколько на стыке каких-то других пространств, опирающихся на иные культурные цивилизации. Получается, что и Петербург в свою эпоху, и Москва — в свою, если вспомнить, что закладывалась она как пограничная крепость на стыке тоже двух, а то и трёх миров, если считать вятичей за отдельный мир. И Киев был когда-то пограничной крепостью каганата. Можно вспомнить ещё ряд таких центров.

Есть ли в этом некая участь нашей столицы как какого-то пограничья? Или всё дело просто в том, что до какого-то времени мы осознаем его [пограничье] как проекцию чужой культуры, тогда для нас очень важен Юго-Западный не меридиан, а такая диагональ, если можно так выразиться, идущая с Юго-Запада на Северо-Восток, проходящая из Константинополя через Киев, потом этой проекцией становится Москва. Можно вспомнить другое движение: Старую Ладугу с Новгородом. Тогда движение несколько иное, чисто меридиональное, с Севера на Юг. Потом диагональ во Владимир, который тоже стоит на границе миров и как-то туда, к этой границе, всё время тяготеет.

Но прежде чем я тебе этот вопрос задам, я бы хотел ещё поделиться таким наблюдением, почему север выпадает. Я думаю, что дело здесь в том, что Москва не нуждается в Севере и в Северной дороге, поскольку Москва сама по себе этот Север и есть. Любое иное направление — на Юго-Запад, Юго-Восток, чисто на Запад — это направление, упирающееся в какую-то иную цивилизацию, в какую-то иную силу. Северо-Восток, как ты говоришь, это наш надёжный тыл, в котором, кроме студёного моря, нет ничего. Племена, так сказать, кочевавшие там, конечно, русской цивилизацией не брались в расчёт. Поэтому нет Севера. Можно пойти ещё дальше, вспомнив бессмертную книгу о приключениях Винни-Пуха и всех его друзей. Если помните, в одной из глав у них там была экспедиция к «Восточному полюсу»¹⁹.

Если представить себе Москву как город, находящийся или на самом «Восточном полюсе», или где-то в ближайших его окрестностях, то это начинает многое объяснять и в географии, и в пространственном развитии. В частности, например, почему дорога на Запад — в Европу. Самое главное, мы понимаем, что на Северном полюсе все дороги ведут на юг, а если мы стоим на Восточном полюсе или около него, то все направления идут на запад.

¹⁹ «Восточный полюс – ещё один полюс, наряду с Северным, Южным и Западным. Разделяет с последним ту участь, что о них никто не хочет говорить, в отличие от первых двух. Открыт сэром Винсентом О'Пухом (в отличие от Западного, который ещё ожидает своего первооткрывателя), но его существование было предсказано британскими учёными задолго до этого». — arsuroptdia.net/wiki/Восточный_полюс

Отсюда сразу понятно, почему, скажем, дорога в Европу, в Западную Европу, в разные времена проходила самыми невероятными способами. Когда-то основная дорога была через Архангельск, то есть на север, с воротами в виде Сухаревой башни из Москвы — на юго-запад через Малый Ярославец, где на почтовой станции до сих пор висит табличка о том, что там останавливался Гоголь по дороге в Рим. То, что в Константинополь отправлялись через Подонье, также всем известно.

Что ещё можно вспомнить? Варшавское шоссе, ведущее из Москвы географически строго на юг. Люди до сих пор удивляются: Варшава находится на западе, а Варшавское шоссе — на юг. Ездили ведь именно так, сворачивая, делая поворот под прямым углом.

Но это всё так, наблюдение на полях твоей будущей прекрасной книги. А я хотел бы услышать: что ты думаешь про путешествие столиц и их тягостное постоянное стремление оказаться где-то в приграничье?

Р.Э. Рахматуллин

Спасибо, Костя. Думаю, что Москва по своему положению отличается от других перечисленных столиц. Думаю, что и Новгород (или Ладога, кому как кажется вернее), и Киев, и Херсонес как центр духовного просвещения, и Петербург как преемник новгородской позиции суть города овладения, помещенные действительно на рубежах. Задача каждого такого города — овладение. Пространство, подлежащее овладению, лежит секторально от такого города, хотя сам сектор может быть широким, как полумир.

Ключевский прекрасно показал, что Киев замыкал днепровские коммуникации, систему речного ствола и притоков, подобную перевернутому корнями вверх дереву. Киев был перевалочным центром на пути к центру мира – Константинополю. Киев занимал не срединное, а крайнее положение. Степь кочевала в сутках к югу от него. Он был уязвим от южной степи, а не от восточной только. Он был городом овладения, окраинной столицей. Как и города Рюрика, а равно Трувора и Синеуса²⁰, если мы верим в существование таких лиц. Когда вы стоите на Труворовом городище под Изборском, то видите как будто свёрнутый пейзаж России, можете Сибирь увидеть. Это земля, предстоящая варягу. Его миссия разворачивается в свернутом пейзаже.

И стольный Владимир, на мой взгляд, был проектом помещения в край. За ним почти не было государственной территории, ниже по Клязьме он защищался, вероятно, только Ярополчем-Залесским²¹, ныне мёртвым городом. Великое княжество

²⁰ Синеус и Трувор — легендарные братья варяга Рюрика, призванного на княжение в Новгород. По традиционной летописной версии («Повесть временных лет»), в 862 г. Рюрик стал князем в Новгороде, Синеус — в Белоозере, Трувор — в земле кривичей, в Изборске; через два года Синеус и Трувор умерли и Рюрик принял единоличную власть.

²¹ Ярополч-Залесский (Ярополч) — древнерусский город, предположительно разрушенный татарами-монгольскими завоевателями. Точное время основания неизвестно. Располагался на правом

с трудами продвигалось на восток и поначалу не владело даже устьем Оки, где Нижний Новгород. Владимир — постанова едва ли не на границе болгарского влияния. Постанова, конечно, промыслительная, поскольку икона Богоматери Владимирской не пожелала идти дальше Боголюбова.

Но это был не просто край русского мира: в проекте Андрея [Боголюбского] мы можем усмотреть искание большего, следующего мира. Если поставить циркуль во Владимире и отмерить расстояние до самой отдаленной русской территории, то есть до галицких Карпат, — это будет расстояние до каждой из окружающих гор — Крымских, Кавказских, Уральских и Скандинавских. То есть охватывая из Владимира старшую Русь, вы одновременно охватываете следующий, больший мир, предстоящий, подлежащий завоеванию: болгарский, вятский, пермский...

Москва как пригород Владимира (то есть как его младший город) — пограничье другого рода: внутреннее. Юго-западное пограничье, угол владимирского Северо-Востока. В этом качестве Москва оказалась соседкой Смоленской земли по Можайску, Черниговской земли по Тарусе, Рязанской земли (не скажу по Коломне, это спорный вопрос), Твери по Клину, даже Новгорода — по Волоколамску. Все эти земли стыковались, так сказать, в предполье Москвы, что дало пограничному городу шанс стать центром большего мира.

Невозможно найти центр всех русских миров: если «срединный» город ищется на днепровском меридиане, отдаляются восточные земли; если, как Москва, на донском меридиане, — отдаляются западные. Ценой второго выбора стало отдаление Юго-Запада. Выбор Москвы есть выбор внутреннего пограничья, стыка наибольшего числа земель.

С. В. Егоров, главный научный сотрудник ИНИОН РАН, доктор физико-математических наук, профессор.

Я представляю ИНИОН РАН, организацию, которая сначала сгорела, потом несколько раз возрождалась. Это сближает её с Москвой в целом, но я хочу задать вопрос не только поэтому. [Смех в зале.] Спасибо большое за замечательный доклад, но в результате вопросов и ответов я совершенно потерял нить, за что прошу прощения...

Вопрос очень простой. Существует ли какой-то критерий, которому должен удовлетворять город, чтобы иметь право претендовать на то, чтобы вокруг него построили четыре квадрата и дальше осуществляли такие интересные и изящные построения? Это что, должен быть гигантский город на большом расстоянии от моря, существующий вопреки всякой логике? Потому что трудно найти ещё какой-то подобный большой центр — своего рода термодинамическая аномалия. В общем, над этим вопросом до сих пор голову ломают. Или дело не в этом, а, например, активисты

берегу Клязьмы, был центром Ярополчской волости. Приставка «Залесский» к названию города добавлена, чтобы подчеркнуть его принадлежность к Суздальской земле, поскольку город с названием Ярополч существовал и в Киевской Руси.

С. В. Егоров

краеведческого кружка какого-то небольшого города тоже могут провести такое мини-исследование где-нибудь в Нью-Йорке. У них там половина дорог на три часа, на четыре, и они никуда не приведут.

Вопрос такой: критерии воспроизводимости — это и есть научный результат?

Р.Э. Рахматуллин

Позвольте прокомментировать вопрос, даже группу вопросов. Моё сообщение касалось миров вокруг Москвы, а группа вопросов касается самой Москвы. Попросят снова и снова поговорить о Москве, а мне хотелось разбежаться от Москвы. Это знаменательно. Волнует точка наблюдения.

С. В. Егоров

Ну да, где ноль ставить?

Р.Э. Рахматуллин

Именно. То есть какие факторы должны сойтись, чтобы образовался центр. Ответ потенциально безразмерный. Если же одним словом, то оно уже произносилось:

«промыслительно». Ответ, который ИНИОН РАН может и не принять, но зато в одно слово. [Смех в зале.] Отчасти я пытался вообразить содержание Промысла.

Любой фактор, какой ни возьми, в XIV веке работал на Москву. Поднепровье начинала контролировать Литва — средиземноморская торговля раздвоилась и начала переходить на Дон. А на Днепре пороги — а на Дону их нет. Генуэзцы и сурожане²² (таинственная межнациональная корпорация купцов) стадильно промеряют Дон, судоходный примерно от Данкова²³, почти от Куликова поля, а над истоком Дона, фигурально говоря, стоит Москва. (Непосредственно в истоке Дона сейчас стоит город с характерным названием Новомосковск.) В это же время Москва обретает ярлык Великого княжения. В это же время в Москву приходит митрополит Киевский Пётр. Такова лишь одна цепочка событий, возвышающих Москву.

А. Н. Привалов

С вопросами покончили или нет? Хорошо. Кто хотел бы высказаться? Прошу вас.

В. Л. Тамбовцев, *главный научный сотрудник экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор*

Уважаемые коллеги, я очень благодарен докладчику за чисто эстетическое удовольствие, которое он доставил своим изложением, стилистикой, иллюстрациями. Я обожаю карты, поэтому это просто праздник души. Тем более знакомые места в основном. А уж когда был упомянут Дальний Север — ну, так это вообще просто поэзия. Там такая красота... Хальмер-Ю — город, которого больше нет. Шахта закрыта, города нет. Город Воркута, застроенный панельными многоэтажками, а поначалу так называемыми сталинскими двух-трехэтажными домами. Они стояли, например, чуть южнее, в Москве на Первомайской улице, такие с балкончиками. Мы были в Воркуте последний раз где-то в мае года примерно 1978-го. Май... В Москве бушевала весна, и эти дома двухэтажные с балкончиками очень хорошо смотрелись среди деревьев. Так же восхитительно они смотрелись в городе Воркута, где первый этаж до половины стёкол был завален снегом. Балкончики тоже, конечно, были завалены снегом, но эстетика была прекрасная...

Это маленькое отступление, как вы понимаете, навеяно стилистикой доклада, который мне очень понравился. Как видите, я его имитирую. Это примечание.

А по существу я что хочу сказать? Примерно 110 лет тому назад на любимом мной острове Крит был обнаружен так называемый Фестский диск при раскопках города Фест, это чуть южнее Ираклиона, на отдельно стоящем холме. Вокруг поля, оливковые

²² Сурожане — в Москве XIV—XV веков богатейшая купеческая гильдия (будущая Гостиная сотня), ведшая торговлю с Византией, с итальянскими городами Причерноморья, а затем и с Турцией. Именуется по городу-порту Сурож (современный Судак) в Крыму.

²³ Данков (Донков) — древний город-крепость в верховьях Дона, вероятный предел навигации «река-море»; располагался, как считают, севернее современного Данкова Липецкой области.

В. Л. Тамбовцев

рощи. В общем, красота неопишная. Фестский диск — глиняный диск чуть больше 15 см диаметром, с двух сторон покрытый знаками, причём знаки оттиснуты, отпечатаны. Не выцарапаны, а оттиснуты печатками типа типографских литер. Различных знаков где-то, если я не ошибаюсь, 45, а всего на диске их около 250.

С момента обнаружения этого диска серьёзными учёными было предпринято множество попыток расшифровок того, что там написано. Есть книга, в которой многие из них описаны²⁴, причём подчёркнуто, что расшифровщики обосновывали свои переводы, точнее свои интерпретации этих загадочных знаков, фактами из истории, филологии, культурологии, они не давали произвольных интерпретаций.

Я к чему об этом говорю? Если у вас есть две точки, через них можно провести бесконечно много плоскостей. Точно так же на этом количестве знаков можно построить бесконечное количество интерпретаций на любом языке. Например, надпись Фестского диска можно непротиворечиво прочесть по-русски²⁵.

²⁴ Молчанов А.А. Таинственные письма первых европейцев. М.: Наука, 1980.

²⁵ Кондратов А.М., Шеворошкин В.В. Когда молчат письма. Загадки древней Эгеиды. М.: Наука, 1970.

В целом ситуация, когда у нас объект таков, что у него существует бесконечно много интерпретаций, даёт широчайшие возможности для творчества, художественного творчества. Что такое 4–6–8–12 направлений, которые ведут в какие-то стороны из любой точки земной поверхности? А это те самые две точки, через которые вы можете провести бесконечно много плоскостей. Вы можете обосновывать любое число из них художественно, с привлечением образов, с привлечением истории, лингвистики, архитектуры, культуры в целом. Можете приводить аргументы в пользу того, что вот именно эта плоскость есть та самая, которая должна проходить через две точки. А ваш оппонент, обладая той же или схожей эрудицией, будет доказывать: «Нет, не это, а компланарная ей плоскость или ортогональная к ней плоскость, это та самая, которая...» Это чрезвычайно интересное занятие.

Я лет двадцать назад собрал в брошюрку несколько своих статей, посвящённых методологии экономической науки и вообще методологии. Назвал всё это дело «Исследования по метаэкономике» и написал посвящение. Я посвятил книгу своему дорогому учителю Ефрему Залмановичу Майминасу: «Другу и учителю, поддержавшему в свое время мою склонность к игре в бисер». Это чистая правда. Поэтому я с огромным удовольствием читал как книгу про интерпретации Фестского диска, так с огромным удовольствием и благодарностью воспринял сегодняшний доклад. Спасибо.

Ф. В. Разумовский, автор и ведущий исторической программы «Кто мы?», телеканал «Россия — Культура»

Спасибо большое! Я тоже нахожусь под впечатлением этого действия, потому что это, конечно, не доклад, это почти вот такое шаманство. Замечательно, завораживает.

Позволю себе примечание, откуда, как я понимаю, взялась такая работа.

Дело в том, что Россия всё-таки одна из мировых цивилизаций, накопившая гигантскую историко-культурную информацию, которая оказалась благополучно выброшенной из жизни. Мы привычно анализируем какие-то экономические, социальные, политические вещи, а история культуры — это как-то... Этим занимается художественное творчество.

До известного момента вся эта информация была пищей и мы получали какой-то отклик в произведениях писателей, художников. Но поскольку сейчас художники занимаются другим, обнажённые дамы сажают себя в клетку на час [о недавнем «акционизме» в Санкт-Петербурге] — тут уже не до переработки историко-культурной информации. И всё равно всё-таки обращение к художественным образам происходит. Это очень знаменательно. Появляются картинки, которые обозначают каждое из направлений. Правда, «Над вечным покоем» я, конечно, не могу отдать Северо-Западу, потому что...

Ф. В. Разумовский

Р. Э. Рахматуллин

...вы считаете, что есть Русский Север.

Ф. В. Разумовский

Потому что я считаю, что есть Русский Иерусалим. Это же об Иерусалиме [картина Левитана «Над вечным покоем»], это море житейское, по которому плывёт корабль, а корабль — это Христос. На картине есть Остров спасения. Это нечто большее, конечно, чем Северо-Запад.

Для Юго-Востока у меня есть кандидатура: тоже Левитан, но «Владимирка» (рис. 14).

Мне представляется, что идёт поиск замены утраченного в культуре такого полноценного художественного творчества. Поэтому я просто от души, искренне желаю, чтобы скорее появилась книга, потому что в этом смысле Рустам исследователь непростой. Он владеет художественными, эссеистическими приёмами. И текст у него бывает богаче исходного замысла. Спасибо большое!

А. Н. Привалов

Спасибо. Прошу вас.

Рис. 14. И. Левитан. «Владимирка». 1892 г.

А. В. Голубев, *руководитель отдела по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН*

Виталий Леонидович привёл аналогию с Фестским диском. А у меня этот доклад вызвал немного другую аналогию. Я думаю, все присутствующие помнят такую старинную детскую игрушку — калейдоскоп, где цветные стёклышки складывались в очень красивый разноцветный узор. Но стоило её встряхнуть — и складывался совершенно иной узор. И так до бесконечности.

Вообще говоря, я только приветствую привлечение различных факторов к изучению истории. Сегодня очень много внимания уделялось историко-географическому фактору. Это замечательно, я не спорю. Но проблема в том, что в этом докладе по желанию автора эти стёклышки складывались каждый раз в случайном порядке: исторические факторы, геополитические факторы, культурные, чисто природные типа ландшафта, и так далее, вплоть до конфессиональных. Тряхнул один раз — один узор, тряхнул второй раз — другой узор. Это первое.

Второе. В самом начале на карте была показана схема, когда из Москвы уходят три дороги — на юг, довольно строго на юг, на запад и восток. Я имею в виду на Тулу

А. В. Голубев

на юг, на Ригу — на восток. Северная немного отклоняется. Вы, наверное, видели там такой зигзаг в сторону востока? Откуда он взялся? Да просто потому, что там стоял богатый торговый город Ярославль. И дороги в Средневековье строились не по меридианам и не по каким-то сложным соображениям, а конкретно для облегчения торговли. Это были торговые пути, это были пути, по которым перемещались рати, это были пути, по которым переселялось население в случае необходимости. И так далее и тому подобное. Дороги ориентировались не на стороны света, а на крупные торговые, ремесленные, административные и прочие центры.

И последнее — что касается Русского Севера. Меня очень позабавил аргумент, что на Севере церкви деревянные только потому, что там он бедный. А вот где было помещичье землевладение, там церкви большей частью каменные. Понимаете, в чём проблема-то? Самая нищая русская деревня — это как раз там, где было помещичье землевладение. До сих пор сохраняется в определённом смысле. Не так, конечно, ярко, как в XIX веке, но это заметно даже до сих пор.

Русский Север — это не абстракция. Русский Север — это зона черносошного крестьянства, то есть свободного крестьянства. И вот эти деревянные церкви строились

за редчайшим исключением сельскими общинами. А каменные возводили помещики. Но помещики тоже были разные. Я два года прожил в деревне, где было порядка трёхсот дворов. Это советская деревня 70-х годов, она достаточно старая. Так вот на этих трёхстах дворах после отмены крепостного права было аж шесть помещиков. Одно из поместий даже сохранилось, в нём была школа, в которой я работал. Разделите триста дворов на шесть помещичьих семей. Понятно, что никаких каменных церквей там не было.

Но в целом, я думаю, такого рода доклады — это действительно здорово. Они заставляют задуматься над какими-то вещами, которые, может быть, мы иногда и пропускаем.

Р.Э. Рахматуллин

Спасибо. Если можно, прокомментирую, чтобы потом не возвращаться. Я сказал именно это: Русский Север, а в терминах сегодняшнего сообщения Северо-Восток, есть территория свободного крестьянства, которое сохраняло деревянные храмы в отсутствие помещиков.

А.В. Голубев

Может быть, я просто чего-то недослышал.

А.Н. Привалов

Спасибо. Михаил Иванович, прошу вас.

М.И. Москвин-Тарханов

Дорогие коллеги, действительно, когда думаешь об этих пространственных направлениях, наполовину интуитивно чувствуется, что так оно, в общем, и есть. Действительно, с Северо-Востока к нам приходило демидовское железо. Туда уходили раскольники, монахи и трудники [люди, работающие в монастыре] — в монастыри, ушкуйники — на промыслы. Оттуда приезжали к Макарьеву пермяки со шкурками, ярославские половые — на заработки в Москву. Это направления мыслится и чувствуется.

Так же хорошо чувствуется направление Юго-Восточное: Волга и Дон, прасолы²⁶, татары, башкиры, повстанцы, атаман Заруцкий, Ляпунов, Стенька Разин и Пугачёв. Северо-Запад: лифляндец, эстляндец, финн, «тароватый немец», англичанин и швед, пиво, машины, колбаса, твид и работающая эстонская кухарка. Юго-Запад (о, знакомо до боли!): литовские да польские паны, крымцы и запорожцы, ленивые киевские попы «нехаи» и малороссийские хоры — конкуренты ползущей оттуда же цыганщины.

Это всё пространство Европейской России с куском за «Камнем» до Тобола и Тюмени.

²⁶ Прасол — оптовый скупщик в деревнях мяса, рыбы, скота и сельскохозяйственного сырья для перепродажи.

Но среди всего этого пространства находятся люди. Хранителями культуры являются камни, да. Но носителями её являются люди, всё-таки люди в первую очередь. И даже не представители надлежащим образом образованных художественных страт, а основная масса людей.

Теперь, если мы посмотрим на Москву, Питер, ещё на несколько городов с точки зрения движения людей, то увидим воронки, которые засасывают людей. Самая большая воронка в Центре — это Москва. Она «проглотила» за тридцать лет три миллиона человек, по сто тысяч человек она регулярно забирает себе. Другие города — воронки поменьше. Так, в Сочи вороночка небольшая, но в Питере за тридцать лет она взяла шестьсот тысяч — по двадцать тысяч в год.

Это не только люди, приезжающие на постоянное место жительства, идёт некий обмен людьми. Одни приезжают, чтобы остаться, другие потом уезжают в разные концы страны. Массы людей проходят через Москву и другие города. И исчезают культурно-исторические различия, уже в XIX столетии они исчезали, стёрлись в Гражданскую войну и фактически исчезли после войны с немцами.

Эта культурно-историческая пространственность остаётся уже неким культурным мифом с подспудной лирической тоской о граде Китеже и Беловодье, с мечтой. Но нет, уже сегодня мы ярославца не отличим от жителя Смоленска. И никак иначе не определим: этот из Твери человек или из Воронежа, только мягкое «г», да, может, округлое «о» помогут уловить микроскопические отличия. Исчезает эта региональная и направленческая дифференциация, всё это уходящая материя.

Но тем более она интересна, что она уходящая. Её сохранить следует даже как некую культурно-историческую легенду, сегодня ставшую мифом.

А Москва? Москва не принадлежит ни Северу, ни Западу, ни Юго-Востоку, она середина мира. Она есть наш центр, мы все — москвиты. Россия, империя — потом, не сразу это всё стало, да! Сначала Россией называлась часть Речи Посполитой, Великое княжество Литовское и Русское. А мы в XIV–XV веках были просто москвиты. Именно из Москвы, из крошечного княжества Даниила Александровича²⁷, из этой малости выросла вот эта гигантская Россия.

Какой может быть разговор о том, что столица может куда-то уйти?! Мы дети Москвы, она — наша Родина, её сердце, желудок и мозг одновременно. Славный Питер — это московские исторические выселки, в конце концов, туда в XVII столетии в большом количестве выселяли москвичей. Очевидно, что она [Москва] стоит в геополитическом центре, она выдержала конкуренцию с Рязанью, с Ярославлем, с Тверью, Нижним. Выдержала почему-то. Да, тут было плодородное Владимирское Ополье. С одной стороны — Ополье, с другой стороны — реки, пути-дороги. Всё можно объяснить.

²⁷ Князь Даниил Александрович (1261 – 1303) — младший сын Александра Невского, первый удельный князь Московский; родоначальник московской линии Рюриковичей — московских князей и царей.

Коллаборационистом был наш князь Иван Калита, хитростью богател и конкурентов давил. Да, да, ну и что? Митрополит переселился... [резиденция митрополита была переведена из Владимира в Москву]. Но всё же не только это. Много очень всего ещё. Москва втягивала в себя эти направления. И создавала, выпускала из себя столетиями, но различия и особенности их практически уже исчезают во мгле истории. А гигантский город продолжает быть суперстолицей, может быть, тем самым «хартлендом», как там геополитики говорят.

Потому что, что бы мы ни делали, всё в Москву приходит. Железные дороги в неё стекаются, шоссе, товары, деньги, опять же люди, люди. Кажется иногда, что бы ни случилось, всё равно все приедут в Москву и будут в Москве заниматься торговлей, промышленностью, наукой, образованием, культурой, развлекаться, жить. Трудное международное положение, говорят про иностранные инвестиции. Да, они уходят. Откуда уходят? Отовсюду уходят. Куда приходят? Всё равно в Москву приходят. Центр мироздания, воронка, «мальстрём» [водоворот в Норвежском море].

Есть у москвичей и некая особая ответственность перед российским пространством, поэтому мне очень было интересно послушать. История и поэзия уходящего российского мира.

А. Н. Привалов

Хорошо. Прошу вас.

В. П. Мазурик

На Дальнем Востоке ориентирование в пространстве тесно увязано с даосской геомантией *фэншуй* по пяти первоэлементам *у-син* с такой символикой:

Восток — Дерево, Сине-Зелёный, Весна, Утро, Ветер, Юпитер, Гуманность, Глаз, Кислый, Запах прогорклый, Гамма *цзюэ*, Гнев и т.д.

Юг — Огонь, Красный, Лето, Полдень, Жара, Марс, Ритуал, Язык, Горький, Запах палёный, Гамма *чжи*, Радость и т.д.

Центр — Земля, Жёлтый, Межсезонье, Вечер, Влажность, Сатурн, Доверие, Рот, Сладкий, Запах ароматный, Гамма *гун*, Задумчивость и т.д.

Запад — Металл, Белый, Осень, Закат, Сухость, Венера, Справедливость, Нос, Острый, Запах металлический, Гамма *шан*, Горе и т.д.

Север — Вода, Чёрный-Голубой, Зима, Полночь, Холод, Меркурий, Мудрость, Ухо, Солёный, Запах гнилой, Гамма *ю*, Страх и т.д.

Учитывались и диагональные направления, так же со своими символами. И хотя абсолютной догматикой это не считалось, люди в своей практике стремились учитывать многочисленные соответствия с направлениями. Япония, страна с другим климатом и ландшафтом, привыкла тем не менее пользоваться этой системой. Возможно, в этом есть какой-то смысл, утерянный современной цивилизацией, «глобально позиционирующейся» по GPS.

По работе мне приходится существовать в системах, больше ориентированных во времени, а вот в пространственных координатах я остро чувствую свой «топографический идиотизм». Я не смог даже толком разобраться с предками: южане они или северяне? Зато после прослушанного доклада о себе могу говорить со всей определённости: я — человек Северо-Востока. «Грачи» Саврасова и «Китеж» Римского-Корсакова [симфоническая сюита «Сказание о граде Китеже и девице Февронии»] — это моё. Люблю вятчика Крупина [Владимир Крупин, писатель] и сибиряка Астафьева. Да и мой родной Кузбасс лежит на указанном северо-восточном радиусе.

Спасибо, что помогли мне выбраться из постмодернистской сети параллелей и меридианов.

С. В. Егоров

Я очень кратко. Мне кажется, что среди других достоинств огромным достоинством доклада, его всего замысла является то, что нас докладчик мягко обращает к нашей стране и тому, как она устроена. При этом, может быть, я ошибаюсь, но приём тот, который теперь называют *gamification*, то есть в игровой форме мы наконец-то глубже узнаём, что у нас происходит. Это своевременно, потому что сейчас к нам в дома врываются неожиданно чьи-то чужие готические соборы с высокими шпилями, на экране мы видим пустыню. А что в стране происходит — как-то выходит из общего поля зрения.

Вот, скажем, взрослому человеку разложи старую советскую контурную карту, и не факт, что он легко покажет, где Орёл, где Курск, а где Брянск. И то, что при дальнейшем развитии мы можем получить с учётом современных технологий, — это будет, наверное, именно то, что сейчас и ждут: не нудный дидактичный рассказ, а поэтическую, возможно, интерактивную игру. Так что спасибо большое!

А. Н. Привалов

Прошу вас.

С. В. Рогачёв, научный сотрудник кафедры социально-экономической географии зарубежных стран, географический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова

Спасибо. Сначала о двух мелочах. Вы сказали, что Запада с большой буквы не встречали. Но в 1920–1930-е годы была так называемая Западная область, с центром в Смоленске. Эти области — очень интересное явление, примерно как сорок макрорегионов, которые придумало сейчас Минэкономразвития. Это были огромные области — например, Центрально-Промышленная (Московская), Ивановская Промышленная. Западная включала в себя кусок нынешней Псковской, кусок Тверской, кусок Калужской, Сухиничи и так далее. Но центром её был Смоленск.

Это просто так, о мелочах, но это очень интересный опыт тех времён, когда мы отходили от губернского деления в 20-е годы и переходили на областное; были эти огромные области как экономические районы.

С. В. Рогачёв

И второй момент. Я тоже думал раньше, что Иван Сусанин — это пространственно-временная кульминация западной трансгрессии. Но был ещё Герасим Курин. В Москве, вы знаете, есть на западе улица Герасима Курина, героя не 1612-го, а 1812 года. И все думают, что это где-то из западной части Подмосковья. Но это возле Орехово-Зуева. Это наполеоновские фуражиры до Орехово-Зуева таки дошли. И там он с топором или с вилами на них вышел. Но это о деталях.

Мне очень понравилось, как был подан доклад. Без этих пошлых слайдов, которыми сейчас почему-то должно сопровождаться любое выступление. Здесь мы просто перемещались по карте, летали над ней. Для меня это было как музыка.

Теперь о научности или ненаучности. Было высказано два критических замечания. Первое (возможно, повторяюсь, коллега из ИНИОНа задавал вопрос). Беда в том, что планета наша маловата. И такой штуки, как Москва, вообще говоря, на карте мира больше нет. Кто с ней — Москвой — может сравниться более или менее по географическому положению — это: а) Париж; б) Дели. Все остальные — это агломерации прибрежные, «при входах в страну» или близко к берегам.

Игорь Сид

Мадрид.

С. В. Рогачёв

Да, Мадрид, конечно, Мадрид. А там, в Испании, я думаю, много региональной информации можно выстроить по секторам.

В любом случае Москва — уникальное явление. Вот Мадрид, — сколько там до побережья? Ну, 300–400 км, наверное, до ближайшего. А от Москвы до ближайшего побережья — 620 км (до Петербурга), а всё остальное ещё дальше. Такого огромного массива централизованной суши мы, вообще говоря, более нигде не видим. И, кроме того, суши равнинной. А Мадрид весь огорожен горными барьерами, Дели огорожен с севера мощными барьерами, с юга — пустыней Тар и так далее. Обширная континуальная ойкумена — только Москва и Париж. И всё-таки Париж намного ближе к морям. Хотя там всё плотнее, там всё интереснее, насыщеннее. Да, наилучший аналог — это Париж, где можно было бы испытать повторяемость или «неповторяемость» того, что докладчик показывал нам на материале Москвы.

Второй момент — о калейдоскопе. Я уже двадцать пять лет трясую этот калейдоскоп вот таким же образом, как это делает Рустам Эврикович, и читаю это на геофаке МГУ в специальном курсе пространственного анализа. У меня калейдоскоп сотрясается чуть иначе: я выделяю пять секторов, они немного другие. Но здесь-то главное даже не в том, как мы проведём границы, а в том, какие стержневые идеи сопровождают тот или иной вектор.

И вот главное в докладе — стержневые идеи, стоящие за каждым вектором. Ну, границы там, можно спорить, то ли Макарьев (волжский) — Северо-Восток, то ли нет. Вспомним, что туда из Казани приходил Улу-Мухаммед и преподобный Макарий оттуда вынужден был уйти. Тогда оно [расположение Макарьева] вроде как «казанское» получается. Макарий ушёл в другое место — в будущий Макарьев костромской. И Макарьев костромской — очевидный Северо-Восток, а вот Макарьев волжский, который напротив Лыскова, — ещё вопрос.

Что мне кажется уязвимым в этом докладе с чисто географической точки зрения — это попытка прогнать все четыре сектора на очень большие расстояния от Москвы. Доводить до Иерусалима, по-моему, уже смысла нет. Всё-таки есть некое концентрированное московское ядро. Есть границы, в которых ещё московские векторы рулят пространством. А дальше уже начинают рулить внешние факторы. Максимум 600 км от Москвы, наверное, где имеет смысл пробивать исходящие из Москвы сектора. А до Камчатских гейзеров его доводить, наверное, смысла нет.

Огромное спасибо Рустаму Эвриковичу за доклад! Слушал как музыку. И как науку!

Ещё один момент, если можно. Рустам Эврикович, пользуясь случаем: не снизойдёте как-нибудь зайти в Главное здание МГУ на 19-й этаж и бесплатно прочитать два часа лекции университетским студентам?

Аплодисменты.

Р. Э. Рахматуллин

Спасибо. Хороший этаж, далеко видно. На вершине Москвы кто сидит? Географы.

А. Н. Привалов

Там сначала посадили физфак. А потом выяснилось, что при ветре у них приборы качаются. Посадили геофак, да. Прошу вас.

Д. Н. Замятин, руководитель Центра гуманитарных исследований пространства Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

Я с огромным удовольствием, уже не знаю, в который раз, выслушал Рустама. И мне это всё время интересно. Каждый раз новые грани, и каждый раз не только новая информация, но и новые образы. Это очень интересно.

По содержанию: то, что мы многие годы обсуждаем, о чём спорим с друзьями, с Рустамом тоже. Я согласен полностью с картиной, самим делением. Ориентация мне нравится. У меня примерно такое же деление в научных статьях, когда я немного пишу на эти же темы. Но я идеолог, скорее, Юго-Востока, который у Рустама, с моей точки зрения, немного провисает.

Сергей Вячеславович [Рогачёв] правильно сказал, что точность этой схемы падает по мере движения, расстояния. И, с моей точки зрения, она работает в основном до Урала максимум. Волга — прекрасно, но она тоже уже граница. И дальше, когда мы идём в Зауралье, идём в Сибирь и Дальний Восток, эта точность резко падает. Сергей Вячеславович абсолютно точно сказал, что Камчатка уже ни в какие ворота не лезет. Я с ним согласен, тем более что я бывал на Камчатке. Для меня совершенно точно Камчатка — не Юго-Восток. Да, Юго-Восток может «задираться», как сказал Рустам, немного смываться по рекам на Север, но тоже немного.

С моей точки зрения, когда ты говоришь о промысле, я, может быть, с тобой соглашусь, но мы предполагаем, что любой город вечен. Город себя так мыслит всегда. Мы понимаем, что есть Вавилон, который стал уже таким архетипом. Его нет, хотя это великий город. Я так думаю, что если провести транспозицию за Урал, то мы не можем работать с Москвой. В этом, кстати, проблема России в целом: когда мы передвинемся за Урал, нет этой системы воображения, она ещё не создана. В этом смысле как раз то, что ты делаешь, — это всё-таки работа в основном для европейской части России.

К слову. Я где-то недели через две еду во Владивосток на семинар в Центре современного искусства, посвящённый метагеографии как раз и России в целом, и Владивостока, и Приморского края. Организаторы семинара говорят, что им интересно обсудить концепцию Северо-Востока в отношении к Приморскому краю и Владивостоку. Меня это заинтересовало.

С точки зрения, скажем, метагеографических осей Евразии, среди которых выделяются две основные — одна идёт через Британию, дальше через Балканы, Ближний Восток и Индию, — это индоевропейская ось. Россия практически не попадает в это межсекционное взаимодействие. Она попадает, очень условно, во вторую ось, которая пока видна с трудом. Эта ось идёт через Скандинавию, опять-таки Русский Север, Урал, дальше — Алтай, и это уже Монголия, Синьцзян, и дальше выход в Китай и Юго-Восточную Азию. Эта ось пока проблематична: две ключевые цивилизации — Китай

Д. Н. Замятин

и Россия, имеется в виду не политика, а глубокое этнологическое существование разных по существу цивилизаций.

Мне кажется, не учитывать метауровень в таких координатах по отношению к столице — очень серьёзная проблема. Существуют, скажем, более глобальные координаты, метаоси, которые мы должны учитывать. У тебя это есть, когда ты говоришь об иерусалимском и константинопольском вариантах, когда ты мыслишь об этих координатах и говоришь о Москве как Третьем Риме. Но опять-таки это касается только европейского вектора России, то есть западной части спектра. Как только мы уходим за Урал, с моей точки зрения, ни Иерусалима, ни Константинополя уже не существует. Существует что-то иное, что Москва уже как этот метагеографический вектор, центр, не контролирует. Но это мы с тобой уже много раз обсуждали. Спасибо. Спасибо ещё раз!

А. Н. Привалов

Спасибо. Кто ещё хотел бы высказаться? Прошу вас.

Л. М. Зелёный

Я читал книги Рустама Эвриковича, но слушаю его первый раз. После этого доклада действительно возникает очень много идей, вопросов, соображений.

Михаил Иванович [Москвин-Тарханов] очень хорошо сказал о том, что большие города — в данном случае он говорил о Москве, но это, наверное, можно отнести ко всем большим городам — напоминают такие воронки. В физике известно понятие «чёрных дыр». Все, кто попадает в Москву (из всех регионов России, из Средней Азии и т.д.), не уезжают обратно. Есть такая теория, что чёрные дыры сообщаются через «кратовые норы». Жители Москвы, если попадают в такие города, как Париж, Нью-Йорк, Токио, другие, то только через кратовые норы. Попадая в такую чёрную дыру, вы уже в ней остаётесь, она меняет людей, формирует ментальность.

Конечно, это относится не только к Москве. Многие, наверное, читали книгу Акройда²⁸ о Лондоне — там я тоже почувствовал такое отношение к городу. К примеру, я долго жил в Лос-Анджелесе, но этого эффекта не почувствовал. А в Нью-Йорке вы это ощущаете. Нью-Йорк я знаю в основном по книгам О. Генри. У Генри очень хорошо описана эта ментальность ньюйоркцев, нью-йоркская атмосфера.

Интересно было бы увидеть когда-нибудь книгу с сопоставлением миров разных больших городов, — вихрей, чёрных дыр. Мы все москвичи, живём в Москве, и только этот город чувствуем. И у меня к Рустаму Эвриковичу вопрос: как, в вашем представлении, отличаются миры известных вам крупных больших городов?

Р.Э. Рахматуллин

Если можно, отвечу в конце.

Л.М. Зелёный

Да, хорошо. Спасибо.

А.Н. Привалов

Ещё выступления. Прошу вас.

Игорь Сид

Очень коротко. Рустам, спасибо за праздник. Собственно, мы всегда на твоё выступление приходим, скажем, как на кофепитие. Потому что быстрее начинают шевелиться извилины и какие-то фрагменты былых впечатлений и знаний начинают соприкасаться между собой под новым углом.

Возможно, что на прозвучавший сегодня вопрос о том, почему обязательно нужно было дорогам из Москвы двигаться по двенадцати, условно говоря, направлениям, — ответ заключается, возможно, в том, что Москва один из немногих городов мира, который мыслит себя, собственно, полюсом мира. Грубо говоря, Варшава никогда себя так не мыслила. **[В ответ на реплику.]** ...Может быть, может быть. Но, во всяком случае, некая достаточная протяжённость во времени в создании этих [московских] векторов. То есть на карте мы видим фактически меридианы. Мы находимся на полюсе, и по всем направлениям по планете от нас расходятся Стромынка и так далее. Это меридианы, которые рассекают всю планету в конечном счёте.

²⁸ Акройд Питер. Лондон. Биография. Альпина Паблицер, 2015.

Речь идёт просто об амбиции думать обо всём мире и как-то делить его там. Вспоминаются очень хлесткие слова о Риме у Бродского в «Римских элегиях». Он говорит о Риме, как о мозге, переставшем думать о мире. Вот Рим — перестал, а Москва, во всяком случае в твоём лице, ещё продолжает как-то там охватывать весь мир, делить его по каким-то своим законам и так далее. Спасибо, Рустам!

А.Н. Привалов

Спасибо. Подводим черту под списком выступающих.

Рустам, ваше слово для ответа.

Р.Э. Рахматуллин

Спасибо. И ещё раз за то, что пришли.

О презентации. Мне казалось, что импровизация с картой будет сложна. Сложнее, чем набор картин художников или карты русских княжеств. Было, конечно, желание принести карты княжеств, водных бассейнов и тому подобное. Так что отдельное спасибо за внимание к экрану.

Частный вопрос. Сергей Вячеславович [Рогачёв], вы представляете движение Улу-Мухаммеда на Макарьев монастырь как движение от Казани? Но он ещё не был в Казани. Как мы датировем это событие? Если хан еще в Нижегородской степи находится, то это удар с юга на север, а не вдоль Волги.

О пределах досягания. Географы сказали, что межи долей тем менее отчётливы, чем дальше от Москвы. Моя задача как автора еще не завершённого труда в том, чтобы сделать их более отчётливыми. Если мы не понимаем, например, что Литва и Ливония принадлежат разным долям мира, то мы не понимаем историческую природу Прибалтики, а значит, не понимаем, как там действовать. Если мы не достаём взглядом до Иерусалима или не понимаем устройства Анатолии, то как мы можем действовать в Сирии? Мы же действуем в Сирии.

Полагаю, что до Иерусалима мы «достаём». До восточно-христианской Эфиопии, пожалуй, нет. Хотя неовизантийская задача состоит и в том, чтоб доставать до христианской Африки. Но Ближний Восток безусловно подлежит нашей «разметке» и прояснению. А уж если мы не достаём до собственного Дальнего Востока, не можем его расчертить — значит, мы им не управляем как должно.

О дорогах. Повторю пример Дмитровской / Савёловской дорог. Если мы едем в Петрозаводск и Мурманск почти через Питер, то Карелия и Мурман не вполне управляются из Москвы. Продлив эти дороги по прямой, мы создаём в области двенадцатого часа новую управляемость.

Далее. Согласен, что за Уралом нет Иерусалима и Константинополя. Великие реки Европейской России ориентированы на старший мир. На Иерусалим, Константинополь, Рим. На Персию. А за Уралом они текут куда-то в землю Санникова, в невообразимое ничто. Нет полюса сакрального, хотя Северный полюс есть. И это проблема Сибири. Она не хочет течь на Север, где нет сакрального полюса. Создать сакральные, да просто реперные точки в низовьях сибирских рек — мне кажется,

задача нерешённая. Константинополь проступает только во Владивостоке с его босфорской топонимией, но это уже Тихий океан и Юго-Восток. Вероятно, Тобольск хотел быть таким репером. Но репером в центре речных путей, не на краю.

Была просьба сопоставить великие города по ментальности. Огромная тема. Я уже заметил выше, что сообщение было центробежным, а обсуждение — центростремительным. Мы оказались более готовы мыслить о своем городе и о городе вообще, чем о пространстве, организуемом из города. И потому я не хотел бы говорить сегодня о природе городов. Особенно того, который выступает точкой наблюдения. Хотелось разбежаться от него.

На реплику Михаила Ивановича [Москвина-Тарханова] о нивелировке. Она, конечно, происходит. Но вот, к примеру, диалектологи знают, как далёк от завершения этот процесс. Вот уж где есть Север и Юг — в диалектологии. Это совсем другая карта, скорее триколор, причём вкось. Есть полоса литературной нормы, приподнятая к Петербургу. Есть окающий Север, приспущенный к Нижнему Новгороду. Есть гэкающий Юг. На этом Юге существует Юго-Запад украинской и белорусской речи. Нивелировка очень далека, если вообще возможна.

Пример Юго-Запада самый красноречивый. Какая там нивелировка, если мы вообще не понимаем, что происходит с украинскими людьми. Самая проблемная доля нашего мира остается таковой с XIV века.

Если не касаться Украины. Больше десяти лет назад путешествовал в Белоруссию с местными университетскими гидами. Это была экспедиция Общества изучения русской усадьбы. Когда мы подошли к камню, который был памятником одной из побед Суворова над поляками, у одной русской, как я полагал, девушки, преподавательницы Минского университета или иного института, начались едва не корчи. Это было русское «литвинство». Суворов был ей ненавистен. Суворов, отношение к которому есть некий лакмус русскости. Несуверенное «литвинство» в Белоруссии, такое тихое, ползучее, «элитное», — оно еще явит себя.

Где тут нивелировка? Весь Юго-Запад разнивелирован. Мы в принципе не понимаем, как им управлять. А если мы не понимаем, как устроено пространство до Карпат или Кавказа, за Кавказом, за Уралом и так далее; если не умеем положить сетку координат — не просто географических, а смысловых — на эти расстояния, нас будут ждать одни лишь катастрофы.

Закончу этим ответом, потому что он самый важный. Спасибо.

А. Н. Привалов

Спасибо огромное. И если позволите, несколько слов в завершение разговора. Блистательное сегодняшнее сообщение, оно было чрезвычайно интересно в массе отношений.

Я бы указал на ещё одну деталь, про которую никто не сказал, но мне это показалось очень важным. Замечено было в выступлениях, что слава тебе, Господи, не слайды. И вот то, что не было дискретных слайдов, а была континуальная карта, мы летали

по ней туда-сюда, поднимаясь и опускаясь, континуальность рассказа была очевидна. Континуальность, охватывающая исторические, географические, культурные знания в неимоверном объёме — сплошные.

Я не собираюсь мысленно даже экзаменовать нашего сегодняшнего докладчика. Но я понимаю, что, когда он говорит о Муроме и Владимире, он может, вероятно, если его спросить, назвать и сёла по дороге. То есть континуальность вдоль и поперёк: во времени и в пространстве. Она приносит плоды, которые не получают сегодняшним плоскостным мышлением, сегодняшним плоскостным взглядом. В этом смысле доклад, конечно, анахроничен.

Но я никоим образом — это неправильно, как я понимаю, — не соглашусь с тем, что доклад посвящён уходящей натуре. И приведу, если позволите, два примера. Вот сегодня в каком-то косвенном падеже был упомянут раздел Польши, какой-то из разделов Польши. Так вот, господа. В современной Польше, которая про этот раздел вспоминать не хочет, забыла, что они были когда-то. В современной Польше каждый раз, когда проходит голосование, электоральные карты полностью воспроизводят раздел Польши, который случился невзвешенно, про который никто не помнит. Каждый раз при выборах президента, при выборах в сейм абсолютно точно можно проводить границу, как будто она проведена по карте.

Только что были какие-то там выборы в Турции. Я не особенно слежу, поэтому могу что-то спутать. Несколько десятилетий назад было соглашение между греками и турками. Из некоторых областей западной Турции по обмену выкинули греков и заселили освободившиеся места турками. Так вот те места, где эти операции проходили, голосовали не так, как окружающие. Там этих греков уже нет давно...

Всё, о чём говорил сегодня Рустам, неимоверно важно. И оттого, что никто этого не хочет или, будем честны, не может инструментально осознавать, это менее важным не становится.

А насчёт того, что нужны дороги, которых нет, — ну, правильно, нужны дороги, которых нет. Мы с упорством, достойным неимоверно лучшего применения, разговариваем про какую-то высокоскоростную магистраль до Казани, которая никому не нужна. Вот даже теоретически невозможно придумать, кого и что по ней возить. А дорог, которых нет, которых нет очевидно, без которых очевидно омертвляются и отмирают целые куски коренной России, — про них никто даже не разговаривает, они неинтересны никому. Может быть, потому что Рустам редко выступает в широких аудиториях.

Ещё раз огромное спасибо. Всего доброго.

Р. Э. Рахматуллин

Спасибо!

Никитский клуб
Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 954

ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ РУССКОГО.

Столица приходит в устроенный мир, чтобы переустроить его.

Редактор выпуска *Н. М. Румянцева*
Фото *Виктор Федоров*